

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

4 (236) •
апрель 2018

ТЕМА

ВОСКРЕСЕНИЕ

«СТАРАЙТЕСЬ, БРАТЬЯ И СЁСТРЫ,
ПЕТЬ КАК ОДНО СЕРДЦЕ,
ОТКРЫТОЮ ВЕРОЮ, УВЕРЕННОЮ
БОДРОСТЬЮ»

стр. 3

О РУССКИХ ТРАДИЦИЯХ ОБЩЕНИЯ

стр. 14

ГОРДИМСЯ ЛИ МЫ КРЕСТОМ
ХРИСТОВЫМ

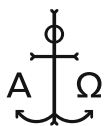
стр. 24

«ЛЬЁТСЯ ДОЖДИК ОСИЯННЫЙ»

стр. 30

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

Свято-Филаретовский
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ
ИНСТИТУТ

28–30 МАЯ

XII Научно-богословская конференция СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ: ПРИРОДА ЦЕРКВИ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Свято-Филаретовский институт продолжает серию конференций, посвящённых православной экклезиологии. На конференции 2017 года обсуждались особенности церковной рецепции евхаристической экклезиологии протопр. Николая Афанасьева, а также современное восприятие Евхаристии как центра жизни церковного собрания. Состоявшийся разговор выявил целый ряд проблем, связанных с современным пониманием Церкви и её границ, рассмотреть которые предполагается на конференции 2018 года.

Актуальность темы обусловлена тем, что вне пределов храмового богослужения или прихода трудно увидеть и засвидетельствовать наличие церковной жизни, основанной на собственно новозаветных началах. Да и внутри приходской ограды жизнь нередко определяется не столько законом любви, сколько соображениями административными и экономическими, а то и прямо диктуется запросами секулярного общества.

Никео-Цареградское исповедание говорит о Церкви как о предмете веры христиан, а значит как о живом организме, теле Христовом, существующем не только в прошлом или будущем, но и в настоящий момент истории, о чём каждый верный может свидетельствовать любому «внешнему»: «Приди и посмотри». Таким образом, верующий во Христа должен знать «свое собрание», опознающееся, по слову Спасителя, по взаимной любви Его учеников (Ин 13:35).

Учение о Церкви стало основной областью богословских исследований XIX–XX вв., причём не только в восточных, но и в западных церквях. За это время поновому были поставлены вопросы кафолической природы Церкви, её соотношения с тварным и нетварным

миром, актуального содержания понятия «спасение», соединения «закона веры» и «закона молитвы» в церковном сознании древних и современных христиан, миссии церкви в секулярном мире и т.п. Но целый ряд экклезиологических проблем ещё нуждается в постановке и обсуждении на современном уровне церковной мысли и практики.

Среди них можно назвать, например, следующие:

- открытость Церкви и необходимость выявления её границ;

- единая природа Церкви и сосуществование в ней различных экклезиологий;

- исповедание единства, святости, апостоличности и соборности Церкви и эмпирическое выражение этих свойств в современности;

- таинство Церкви и проблема сакраментализма;

- общение в Церкви и его каноническое, мистериальное и мистическое измерения;

- конфессиональные подходы к пониманию единой природы Церкви и перспективы межконфессионального диалога и др.

Разумеется, современный разговор о тайне и таинстве Церкви не может обойти стороной и проблему богословского языка. Очевидно, что уже далеко не весь опыт церковной жизни можно выразить в онтологических понятиях, в то время как разговор о Боге и Церкви в понятиях экзистенциальных также не является приемлемым для всех в христианском мире.

Организаторы конференции надеются, что заинтересованный, вдумчивый и свободный диалог её участников по названным и близким к ним вопросам принесёт свои добрые плоды.

Координаты оргкомитета: conference@sfi.ru / тел.: +7 495 623 03 80; +7 968 937 34 64; +7 962 986 91 08

Председатель оргкомитета: Д.С. Гасак, первый проректор СФИ

Содержание

АПРЕЛЬ 2018

~ Проповедь

Пасхальная проповедь | 2

~ Интервью

Часовня и кедровая роща | 5

Русские люди разучились делать что-то вместе | 9

~ Событие

«Старайтесь, братья и сёстры, петь как одно сердце, открытою верою, уверенною бодростью» | 3

Кому это нужно | 7

~ Беседы

О русских традициях общения | 14

Гордимся ли мы Крестом Христовым | 24

~ Живое предание

Живая школа общественной мысли | 11

Японское оглашение | 19

Братский помянник | 20

~ Преображенские встречи

Соборность в постконстантиновскую эпоху | 21

~ Гражданская война

Первый Кубанский | 26

~ Письма читателей

Мой родственник Николай Японский | 29

~ Церковь и культура

«Льётся дождик осиянный» | 30

~ Книжное обозрение

Чудо как альтернатива | 32

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор: А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 10 апреля 2018 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 19 апреля 2018 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genieve
Телефоны распространителей
Москва: +7-910-421-64-60 (Анна Гринман), +7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург: +7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки:

Жёны-мироносицы у Гроба Господня. Первая треть XIII в. Монастырь Милешево, Сербия.

На четвертой странице обложки:

Шествие праведников в рай. Фрагмент фрески Страшного суда. Даниил Черный (старший) и Андрей Рублёв. Владимир, Успенский собор. 1408 г.

Пасхальный номер – это всегда рассказ о радости, такой ликующей, что мы готовы иногда забыть – прежде Пасхи воскресной мы встречаем

Пасху крестную.

И в этом номере с самой первой страницы неслучайно встречаются друг с другом воспоминания о Кресте и Воскресении. Ведь любая попытка войти в

пасхальную радость, минуя крест, – это ложь и фальшь, разрушающая нашу общую церковную жизнь.

Пусть же наша радость будет подлинной и полной. Христос воскрес!

Александра Колымагина

П Р О П О В Е Д Ъ

Только прославляя восставшего от гроба Спасителя, мы становимся наследниками пасхального чуда

Из Пасхального послания Святейшего патриарха Кирилла

Победа Христа над смертью – это не только духовная, но и физическая реальность. Господь Иисус действительно воскрес телом ради спасения всех людей. С Его Воскресением смерть потеряла свой необратимый характер и для уверовавших во Христа стала рождением в вечную жизнь, дверью, открывающей путь к небу, к Царству Божию.

Неслучайно и мученики за Христа мужественно встречали любые страдания. И если раньше даже великие праведники скорбели по умершим, как о погибших, то по Воскресении Господа Иисуса смерть более не пугала их. Яркий пример явили нам и новомученики Церкви Русской, бесстрашно принявшие исповеднические венцы в годы гонений на веру в XX веке.

Сегодня, когда мир всё больше уподобляется неразумному богачу из евангельской притчи (Лк 12:16–21), когда комфорт, успешность и долгая жизнь объявляются чуть ли не главными ценностями человеческого бытия, мы, ученики и последователи Спасителя, вслед за апостолом Павлом дерзновенно свидетельствуем: для нас жизнь – Христос (Флп 1:21), а смерть – не конец бытия.

Фреска в храме Христа Спасителя монастыря Хора, начало XIV в. Константинополь

Входя в торжество сего дивного и светозарного праздника, мы призваны не только словом, но и делом убедительно свидетельствовать о том великом даре, который получили люди через Воскресшего Господа Иисуса. Поделится же с окружающими радостной Евангельской вестью, сотворим добро тем, кто нужда-

ется в нашей помощи и утешении. Только так, благодарными устами и благодарным сердцем прославляя восставшего от гроба Спасителя, мы становимся наследниками свершившегося пасхального чуда и с дерзновением именуемся сынами и дочерьями Бога Всевышнего, явившего безмерную любовь ко всем нам. **КФ**

«Старайтесь, братья и сёстры, петь как одно сердце, открытою верою, уверенною бодростью»

10 марта в Риге прошла конференция, посвящённая истории православных братств

Текст: Анастасия Наконечная

С марта 1969 года и до самой кончины в 1978 году исповедник веры архим. Таврион (Батозский) служил в Спасо-Преображенской пустыни Свято-Троицкого женского монастыря Рижской епархии, куда был назначен по инициативе владыки Леонида (Полякова)

Несмотря на то, что в Латвии никогда не превалировало православие и сейчас в ней православных в два раза меньше, чем лютеран, и в полтора раза меньше, чем католиков, на конференцию при-

шло немало людей. Интересно, что среди гостей были не только русские, но и латыши. Даже ведущая Мария-Лига Зариня говорила с приятным латышским акцентом.

Страна проведения конферен-

ции была выбрана неслучайно. В Латвии, входившей вплоть до 1918 года в состав Российской империи, после принятия в 1864 году правил об учреждении православных братств открылось сразу несколько братств. В тече-

Константин Обозный особо отметил Свято-Покровское братство, основанное в Эржеполе (ныне город Виляка, административный центр Вилякского края Латвии) отцом Кириллом Зайцем, впоследствии ставшим одним из активнейших членов Псковской миссии

ние пяти десятков лет их число росло, и занимались они самой разной деятельностью.

В XX веке здесь действовало Русское студенческое движение, долгое время возглавлял Латвийскую церковь выходец из петроградского Александроневского братства митрополит Леонид (Поляков). А в 1990-е годы в Риге возникло как минимум два православных братства. Об этом участники конференции рассказали во время дискуссии. Мы услышали и замечательные воспоминания о. Владимира Вильгерта о его личном общении с о. Таврионом (Батозским).

А началось всё с доклада зав. кафедрой истории Свято-Филаретовского института Константина Обозного. Он ввёл участников конференции в контекст братского движения в России с XV–XVI веков вплоть до наших дней, особо отметив Свято-Покровское братство, основанное в Эржеполе (ныне город Виляка, административный центр Вилякского края Латвии) отцом Кириллом Зайцем, впоследствии ставшим одним из активнейших членов Псковской миссии. Об этом было важно услышать гостям конференции, среди которых были потомки участников Псковской миссии Ангелина Георгиевна Лоде (в девичестве Тайлова) и Дмитрий Иванович Трубецкой, у которого в Псковской миссии было целых три родственника – его отец и два дяди. Дмитрий Иванович рассказал о том, как в Риге в XIX веке родилось Петропавловское братство, занимавшееся не толь-

ко благотворительной, но и просветительской деятельностью.

Включённость практически всех слушателей была действительно неожиданной. Даже рассказ о жизни православных братств в Петрограде и о том уникальном союзе, который они основали в 1920 году, в самый разгар послереволюционной смуты, с интересом слушали как пожилые участники форума, так и молодые люди. Среди молодёжи, кстати, оказалась исследовательница православных братств Петербурга, с которой я надеюсь увидеться теперь в России.

Иоанна-Яна Калниня рассказала об очень важной для жителей Латвии теме – о том, как собирал верующую молодёжь архимандрит Таврион (Батозский): кого-то готовил в священники, по-новому открывал глубины православия, учил радости о Христе – не только словом, но и своим обликом, своей жизнью. В дни его служения Спасо-Преображенская пустынь стала центром возрождения, собирания церкви. Пустынька отличалась от других монастырей советского времени удивительной атмосферой духовной семьи – раннехристианской общины. В центре её жизни была ежедневная Литургия, во время служения которой о. Таврион сам горел, как факел, и желая это выразить, в начале Евхаристического канона переоблачался в красное, как на Пасху. Осознавая, как важно для верующего человека вхождение не только в дух, но и в смысл молитвы и укоренение в традиции Церкви, он местами

Протопресвитер Кирилл Зайц

дерзновенно использовал в богослужении современный – русский и латышский – язык. Ходатайствуя за церковь гонимую, он призывал всех к соучастию в этой молитве и тем созидал единство церкви в её противостоянии злу и насилию: «Помолимся за нашу страждущую церковь. Это – наши усопшие. Помолимся о тех, о ком некому вспомнить. Все вместе поём “Отче наш”». «Старайтесь, братья и сёстры, петь как один, как одно сердце, как одни уста, открытою верою, уверенною бодростью. Проявим Господу Богу нашему преданность», – так говорил архим. Таврион во время Литургии.

Интересно, что во время обсуждения докладов от одного из гостей прозвучала дерзновенная мысль: если нам так интересна жизнь православных союзов – может быть, и нам пора объединяться по примеру петроградских братств? Это было неожиданно и в то же время радостно слышать. КФ

Часовня и кедровая роща

В Мариинской епархии хранят память о новомучениках и исповедниках, о жертвах Мариинских лагерей

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото: Мария Кайкова

В этом году исполняется столетие призыва патриарха Тихона создавать духовные союзы для защиты церкви. Это было время подъёма братского движения — движения, из которого вышло множество новомучеников и исповедников. Но мы (если не считать Санкт-Петербурга и отчасти Москвы) пока знаем об этом немного. Занимаются ли в вашей епархии историей братств, есть ли к ней интерес? И есть ли братства?

Епископ Мариинский и Ургинский Иннокентий (Кузбасская митрополия): История православных братств сопровождала историю Русской церкви гораздо раньше Собора 1917–1918 гг., с XVII, даже, наверное, с XVI века, большей частью в западных территориях, где было противостояние унии. Потом оно переживает расцвет в XIX веке и становится актуальным на Поместном соборе, когда меняются обстоятельства исторического бытия России. Этот опыт был очень богат и разнообразен в церкви. Братства занимались и социальным служением, и образованием, и множеством самых разносторонних служений на поприще церковной и общественной деятельности. Конечно, это и в наше время актуальные вопросы, и, наверное, нужно возвращаться к этому богатому накопленному в церкви опыту. Ведь он оказался забыт потому, что в советский период таких возможностей — создавать братства — просто не было, и церковь действовала только в границах собственной территории, ограды храмов. А теперь мы такую возможность имеем.

Сейчас прежде всего, наверное, стоит говорить не о братствах, а о сестричествах, потому что среди прихожан в наше время больше всего именно женщин. В нашей епархии сестричества есть, они исполняют разные служения, прежде всего хотелось бы вспомнить сестёр милосердия, занимающихся помощью одиноким людям. У нас прекрасное мо-

Интервью с епископом Мариинским и Ургинским Иннокентием на открытии Рождественских чтений 2018 года

лодѣжное движение. Клубы православной молодѣжи — это тоже своего рода братства, и несение слова Божьего в среде молодѣжи тоже очень важно. Святейший патриарх ставит это как приоритет в современном служении церковном, потому что молодѣжь — это будущее.

В ваших местах были многочисленные лагеря, где погибали многие люди, в том числе и новомученики. Скажите, кто-то этим интересуется? Как молодѣжь относится к этой странице нашей истории? Интересно ли это, важно ли им?

Мы пережили 2017 год, который как раз был посвящён трагическим событиям истории нашего государства, нашей церкви. Большое внимание мы все уделили увековечиванию памяти новомучеников

Некоторых священников, отбывавших ссылку, наши современники ещё помнили, ведь когда-то они с ними общались... Осталась живая память, именно поэтому они так почитаемы. В расстрельные места люди все равно продолжали приходить и в советское время. Туда приезжало очень много родственников, тех, у кого близкие, родные в этих лагерях пострадали. Из жителей нашего края у кого-то бабушки, у кого-то дедушки попали в эти края ссылными...

и исповедников Церкви русской, которые большей частью прошли через Мариинские лагеря. Это как раз наша епархия. У нас в Кузбассе этот вопрос поднимался задолго до 2017 года. Собор Кемеровских святых, в который вошли главным образом святые новомученики и исповедники Русской церкви, включает в себя и тех святых, которые прославлены в других епархиях как местные, но свой мученический венец получили в Мариинских лагерях. Это и преподобномученик Филарет Срезневский, и святитель Ювеналий Рязанский, и многие, многие другие... В минувший год проходили крестные ходы к расстрельным местам, которые были обихожены и отмечены поклонными крестами. Сейчас люди приезжают сюда в паломничество. В памяти людей всё это живет, потому что жизнь города Мариинска неразрывно связана с тюрьмами. Сибирь изначально была ссылкой краем. Ну а в советские годы она стала действительно «Русской Голгофой». В Мариинске был центр ГУЛАГа.

Некоторых священников, отбывавших ссылку, наши современники ещё помнили, ведь когда-то они с ними общались. Осталась живая память, именно поэтому они так почитаемы. В расстрельные места люди всё равно продолжали приходить и в советское время. Туда приезжало очень много родственников, тех, у кого близкие, родные в этих лагерях пострадали. Из жителей нашего края у кого-то бабушки, у кого-то дедушки попали в эти края ссылными.

Я начинал своё служение в Новокузнецке, городе, где с начала 1930-х годов не было ни одного храма. Помните стихи Маяковского о городе-саде? Это о Новокузнецке написано. Это крупные металлургические комбинаты, которые строились многочисленными заключёнными – и уголовниками, и осуждёнными по политическим статьям, и за веру осуждёнными священниками и мирянами. И среди них был иеросхимонах Николай, бывший насельник Глинской пустыни, который положил основание Свято-Никольскому приходу в городе Новокузнецке. И первая община в Новокузнецке была образована именно новомучениками и исповедниками Российскими.

В памяти людей осталась ещё и схиигуменья Ирина. К сожалению, мы не знаем, откуда она, как оказалась в ссылке; её знали уже больше по приходской жизни. Приход был открыт в 1949 году с личного разрешения Сталина, к которому верующие дважды обращались с письмом. И первый костяк этого прихода составили ссылные, долгие годы находившиеся под духовным окормлением иеросхимонаха Николая. Это были и монахини – женщины, овдовевшие во время войны и принявшие постриг. Он скончался в 1954 году, этот батюшка. Но могилы основателей прихода, и о. Николая, и схиигуменья Ирины, всегда посещались и свято чтятся до сих пор новокузнецанами.

Новая эпоха гонений тоже не была лёгкой для церкви. Вот и в Мариинске до 1988 года вообще не было прихода православного, люди молились по домам, в церковь ездили почти за 200 километров: ближайший храм был в Анжеро-Судженске. А теперь Мариинск – кафедральный город. И может быть, как раз благодаря новомученикам и исповедникам Российским, потому что за нашими внешними реалиями всегда стоят реалии духовной жизни.

А при въезде в Мариинск стоит памятная часовня и насаждена кедровая роща в память о тех, кто здесь пострадал. **КС**

Е. Золотухин/ezolotuhin.com ©

Кому это нужно

Вопрос о будущих читателях сборника документов по истории православных братств сделал его презентацию полноценной дискуссией

Текст: Александра Колымагина. Фото: Мария Кайкова, Олег Свечников

О сборнике документов рассказывают его составители – Ю.В. Балакшина и Н.Д. Игнатович

Презентация стала заинтересованным разговором о востребованности опыта братств, опыта живого взаимодействия между иерархией, клиром и мирянами

16 марта многочисленные участники презентации сборника документов «История церковных братств в России» смогли обсудить друг с другом достоинства и недостатки сборника, его предполагаемых адресатов и возможные перспективы будущей серии подобных изданий.

Презентация началась с экскурсии по небольшой выставке, собравшей уникальные экспонаты из фондов и архивов Преображенского братства: печать ставропигиального могилевского Богоявленского братства XVII века и нагрудный знак члена киевского братства святого Вла-

димира, относящийся к 1860-м годам*, Устав Всероссийского православного братства ревнителей святынь Московского Кремля, фотокопию оригинала письма еп. Макария (Опоцкого) патриарху Тихону с просьбой благословить его на служение епископа-катехизатора...

После рассказа составителей – Юлии Балакшиной и Натальи Игнатович – об истории издания, работа над которым продолжалась 5 лет, и яркого выступления историка Ирины Гордеевой об опыте общения с потомками братчиков Крестовоздвиженского трудового братства (все они – от бывшего сотрудника ГРУ до политзаключенной Зои Марчен-

ко – говорили с ней не о себе, но о братстве и о Неплюеве) презентация продолжилась в жанре круглого стола.

На первый вопрос – кому может быть интересно это издание? – ответы оказались крайне разнообразны: членам существующих братств, профессиональным историкам, людям, задумывающимся о сути церковной жизни, членам волонтерских движений...

Председатель Свято-Петровского братства Юлия Балакшина добавила: «Ещё – архиереям Русской православной церкви. Мне известны четверо, выразившие свою любовь к братской форме устройства церкви – об этом

* Многие экспонаты были подарены Преображенскому братству кандидатом исторических наук, членом Геральдического совета при президенте РФ В.И. Лавреновым.

Экскурсия по выставке, посвящённой истории православных братств

говорилось в их приветственных словах в дни освящения памятника репрессированным членам православных братств и в дни проведения в Санкт-Петербурге посвящённой истории братств конференции».

После вопроса ведущего: «А клирикам?» и небольшой дискуссии (участники круглого стола встречались с самой разной реакцией клириков на явление братства) слово взял протоиерей Александр Лаврин. По его мнению, братство являет собой опыт общения епископата, клира и мирян, и поэтому новая книга нужна всем: и архиереям, и священникам, и мирянам.

Ещё более востребованной, по мнению научного сотрудника Института Российской истории Елены Беяковой, стала бы серия

подобных изданий, ведь история церкви чаще всего излагается как история иерархии, и представление о церкви как обществе до сих пор отсутствует. В этом контексте сборник очень хорош, но неполон, ведь толстовские общины, трезвенники, штунда – это всё тоже братские движения; нельзя забывать и о монашеских братствах, и о сестричествах...

Второй вопрос – что из опыта русских братств может быть востребовано сегодня? – вызвал не менее многообразные ответы: свидетельство для входящих в церковь, любовь в эпоху тотального разрыва отношений, опыт опоры на святоотеческое предание. По мнению духовника Союза православных братств, настоятеля храма свт. Николая на Берсеневке игумена Кирилла

(Сахарова), важнейшим качеством церковной жизни является её результативность, опирающаяся на возможность собирания людей и их открытого общения в спокойной братской обстановке.

В этом разговоре о братской жизни вчера, сегодня, завтра многие вопросы остались обращены к читателям и будущим создателям подобных изданий. Как различить подлинное и неподлинное в истории братств – ведь были братства формальные, политизированные, а то и собранные вокруг поиска врагов – то есть сеющие «ненавистную рознь мира сего»? Как писать о явлениях духа, опираясь на фактологию, не обеднит ли это издание? На эти вопросы всем нам ещё только предстоит искать ответы. **КФ**

Русские люди разучились делать что-то вместе

Об этом беспокоились уже в начале XX века члены Русского собрания

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото

Когда я стал подробно заниматься историей Русского собрания, то узнал, что его членами, оказывается, были и священники из кружка «32-х» (отец Константин Аггеев, отец Михаил Чельцов), и создатель Крестовоздвиженского Трудового братства Николай Николаевич Неплюев... С одной стороны, все эти люди очень значимы для нас. С другой стороны, видно было, что тот тон, который они задали в первые годы в Русском собрании, очень созвучен тому, что для нас близко.

Алексей Андреевич Наумов, президент Культурно-просветительского фонда «Преображение»

Алексей Андреевич, Вы — один из инициаторов Русских бесед. Как появился замысел проведения этих встреч?

Алексей Наумов: Всё началось с разговора о том, как нам стать полноценными наследниками старого русского народа, который жил в прежней России*.

В этом разговоре прозвучала мысль, что мы как христиане призваны стать наследниками Царства Божьего, с другой стороны, мы призваны быть наследниками всего лучшего, что собирали наши отцы на нашей земле. И когда мы потом стали думать, что же нам для этого делать сейчас, то в какой-то момент узнали, что

с 1901 по 1917 год существовало Русское собрание, цель которого нас удивительно вдохновила. В его уставе значилось, что цель эта — выяснение и укрепление в общественном сознании исконных русских творческих начал. Мы увидели, что среди учредителей Русского собрания были такие замечательные люди, как,

* См. материал «Чьи мы наследники», Кифа № 15 (201), декабрь 2015 года. Режим доступа: <http://gazetakifa.ru/content/view/5340/>

Действительно, за XX век традиция прервалась, это очевидно. Более того, люди, бывшие её носителями, погибли, и мы не только не знаем традиции, но и не умеем что-то делать, собираться, трудиться, жить вместе. Однако и участники Русского собрания уже видели в этой сфере проблемы

например, Александр Васильевич Кривошеин – один из разработчиков столыпинской аграрной реформы, Александр Александрович Папков – апологет братского движения, Афанасий Васильевич Васильев – неославянофил, председатель общества «Соборная Россия», люди, входившие в круг газеты «Новое время», – Сергей Николаевич Сыромятников, отец и сын Суворины. Когда же я стал подробно заниматься историей Русского собрания, то узнал, что его членами, оказывается, были и священники из кружка «32-х» (отец Константин Аггеев, отец Михаил Чельцов), и создатель Крестовоздвиженского Трудового братства Николай Николаевич Неплюев... С одной стороны, все эти люди очень значимы для нас. С другой стороны, видно было, что тот тон, который они задали в первые годы в Русском собрании, очень созвучен тому, что для нас близко. Они видели в христианстве те исконные русские творческие начала, которые стремились выявить. Восстановления, возрождения России они искали на началах христианских и лучших исконных национальных. Но на самом деле это национальное оказалось очень сильно связанным с христианством.

Первые четыре года деятельности Русского собрания были одновременно поиском этих начал и собиранием людей для дела проведения этих начал в общество. И это тоже нам оказалось очень созвучно. Оказалось, что нам близки и идеи, и люди, и то, что они делали и как они это делали: они считали, что очень важно не

просто разрабатывать какие-то темы, а создавать особую атмосферу. Кто-то из учредителей называл её «бодрящим общением», кто-то – «школой живой мысли»: из этой школы должны были выходить идеи, которые влияли бы на окружающих.

Всё это для меня было крайне интересно, и мы решили попытаться примерно то же сделать, но в новых условиях.

Ориентируясь на Русское собрание?

Да, ориентируясь на них, но уже не повторяя ничего (ведь повторять невозможно), а делая что-то по-новому. Нужно сказать, что тот акцент на христианских началах, на который хотелось бы ориентироваться, они удерживали первые четыре года, а потом уже, к сожалению, стали больше политикой заниматься.

Именно из-за этого А.В. Васильев ушел из Русского собрания?

Да, верно. Когда Русское собрание стало заниматься больше политикой, начиная с 1904-го, особенно с 1905 года, из него уходят или отходят от дел те, кто больше всего ратовал за возрождение этих начал русских, исконных творческих начал на христианских основаниях, кто ставил во главу угла не просто веру, а именно соборность, как они её понимали – как бы хоровые, коммюнитарные начала. Ушёл Сыромятников, который считал, что русская идея – это братская идея. Папкова уже не так видно,

скорее всего, он отошёл в сторону (ведь кто-то формально оставался членом, но отходил от дел).

Неужели у них в первые, лучшие годы тоже была проблема поиска традиции? У нас традиция на сто лет прерывалась, а у них-то нет.

Действительно, за XX век традиция прервалась, это очевидно. Более того, люди, бывшие её носителями, погибли, и мы не только не знаем традиции, но и не умеем что-то делать, собираться, трудиться, жить вместе.

Однако и участники Русского собрания уже видели в этой сфере проблемы, главными из которых они считали три. Первая – то, что люди отвернулись от христианства, и общество захватывал иной дух, новая религия – социалистическое учение, как писал известный журналист М.О. Меншиков. Вторая – то, что распространяется космополитизм, Россия как бы отворачивается от своих национальных корней, и всё национальное объявляется отсталым, безнадежным и ненужным, в результате потеряна ответственность за страну. И третье – то, что русские люди разучились делать что-то вместе: члены Русского собрания сокрушались, что другие народы могут что-то делать, а русские только собираются и вздыхают без какой бы то ни было энергии дела.

Понятно, что и в наше время всё это есть, но в современных условиях есть ещё проблема антропологической катастрофы и колоссального разрыва традиции, уничтожения лучших национальных сил... КФ

Живая школа общественной мысли

Несколько слов о деятельности Русского собрания в 1901–1904 гг.

Текст: Алексей Наумов

В ноябре 1900 г. у нескольких русских писателей из числа сотрудников газеты «Новое время»¹ родилась идея создать «такое общество, в котором бы изучались, углублялись и одухотворялись те особенности русской народной личности, которыми она отличается от личностей западных народов».

Свою задачу устроители видели в создании «русского общественного дела», основанного «не на самомнящем невежестве, а на широком образовании». Это предполагало уважительное знакомство с достижениями западной культуры, ободрение и возвращение «своего, русского, как бы оно ни было мало в сравнении с великолепными построениями западной мысли и западного творчества...»

Инициаторами рождения Русского собрания стали люди, знавшие и любившие Россию, при этом некоторые из них были хорошо знакомы и с достижениями образованного Запада².

26 января 1901 г. был официально утверждён устав новой организации. В нём говорилось, что **Собрание имеет целью** «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей Русского народа»³.

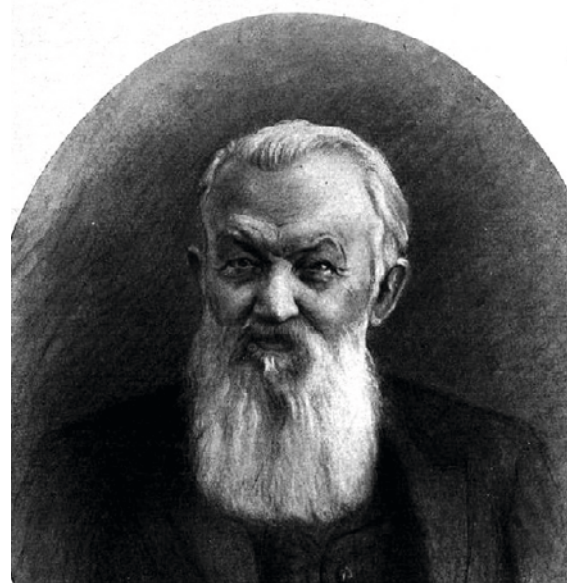
В российском обществе рождение Русского собрания было встречено неоднозначно. Так, например, публицист Н.К. Михайловский в журнале «Русское богатство»⁴ подверг новое общество ядовитым насмешкам за пропаганду «русского платья взамен сюртука, фрака, пиджака и проч.»⁵. Некоторые высказывания в печати были откровенно враждебными, носили почти провокационный характер. Так, в газете «Новости» говорилось, что «Русское собрание... есть орган племенной нетерпимости и потому неблагоприятно с точки зрения... либерализма». Несколько положительных отзывов

¹ Газета «Новое время» – политическая и литературная газета патриотического направления, выходила в Петербурге в 1862–1917 гг.

² Учредитель Русского собрания, публицист Н.М. Соколов был прекрасно знаком с западной философией и литературой. Он переводил сочинения Апулея, Петрарки, Канта, Шопенгауэра. Другой учредитель организации поэт К.К. Случевский несколько лет учился в Париже, Берлине и Гейдельберге, где в 1865 г.

КЪ 40-ЛѢТІЮ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

Юбилейный номер газеты «Новое время» с портретом А.С. Суворина

прозвучало в печати, идеологически близкой к Русскому собранию. Например, в газете «Русский листок» отмечалось, что «цель и задачи Общества симпатичны». Газета приветствовала Собрание как «общество национального обновления, поставившее себе задачей искание патриотического идеала и отречение от роли утопического человека, не помнящего родства». Некоторые журналисты, приветствуя собрание, сомневались, что ему удастся достичь поставленных целей. Так С.Ф. Шарапов,

получил степень доктора философии.

³ Устав Русского собрания. СПб., 1901.

⁴ «Русское богатство» – ежемесячный литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1876 г. по 1918 г.

⁵ Михайловский Н.К. Несколько слов о «Молодом москвитянине» и «Русском собрании» // Русское богатство. СПб., 1901. №10. С. 104–107.

Дмитрий Петрович
Голицын

Человеческая жизнь осмысливается общением с жизнью Родины. Равнодушие к отечественному делу ведет к вымиранию души. Отечество – живое существо, требующее от нас жизни

впоследствии ставший членом Русского собрания, писал, что такие общества «возникают тогда, когда национальное дело у данного народа если не совсем проиграно, то подвергается большой опасности».

Отзывы печати позволяют увидеть, что Русское собрание начинало свою деятельность в эпоху, когда идеалы национальной самобытности были, с одной стороны, востребованы обществом, с другой – уже скомпрометированы деятельностью ряда националистических обществ и изданий. Создателям нового общества было необходимо искать свой тон, свой разворот уже давно известной темы, доказывать свою устремлённость не к реконструкции отживших форм одежды и быта, а к возрождению России.

В круг учредителей Русского собрания вошли издатели, писатели, публицисты, чиновники, учёные, деятели искусства и военные.

Собрание ставило перед собой три задачи:

«а) изучение явлений русской и славянской народной жизни в её настоящем и прошлом;

б) разработка вопросов русской и вообще славянской словесности, художеств, народоведения, права и народного хозяйства; а также исследование всех других проявлений русской и славянской духовной и обиходной самобытности;

в) охранение чистоты и правильности русской речи».

Нужно отметить, что задачи в основном раскрывали первую часть заявленной цели и были направлены скорее в прошлое, чем в настоящее и будущее.

Следует отметить, что в целях и задачах Русского собрания ничего не говорится ни о церкви, ни о христианских основаниях их деятельности, хотя в первых же программных выступлениях членов Собрания, в первую очередь А.В. Васильева, настойчиво подчеркивалось, что творческие начала русского народа глубочайшим образом укоренены в православии⁶. Осторожность в употреблении церковных понятий в уставе связана, вероятно, с тем, что основными инициаторами новой организации были общественные, а не церковные деятели, а также с нежеланием попадать в сферу внимания и

контроля со стороны официальной церкви.

В разделе, посвящённом формам деятельности, устав, по словам Сыромятникова, открывал «широкие и важные права и преимущества». Он позволял «устраивать членские и общедоступные заседания, чтения, музыкальные вечера», зрелища и выставки; «учреждать состязания и назначать награды за сочинения на заданный предмет и за художественные произведения»; устраивать поездки с научной и образовательной целью; выпускать и распространять литературу; основывать и содержать читальни и книгохранилища, а также «учреждения, имеющие целью распространение русского зодчества, русской одежды, русской утвари и т. п.»; входить с ходатайствами к правительству по предметам, имеющим отношение к целям Собрания⁷.

С осени 1901 г. стали регулярно проходить встречи по пятницам, на которых звучали доклады по русской истории, этнографии, искусству, литературе и т.д. На встречах звучали сообщения и о жизни церкви. «Многие вечера были настолько людны, что зал Собрания и гостиные не могли вместить всех посетителей». Так же успешно шли встречи по понедельникам, а затем по вторникам, посвящённые «литературным вопросам и чтению литературных произведений». С первых месяцев жизни организации проходили популярные ежемесячные товарищеские обеды и вокально-музыкальные вечера, на которые приглашались «лучшие артистические силы столицы».

Помимо работы особых совещаний деятельность Русского собрания была связана с устройством ежемесячных товарищеских обедов по воскресеньям. Обеды были одним из средств «сближения и сплочения членов между собой», в застольных речах выяснялись смысл и значение Русского собрания, намечались пути его деятельности. Член совета Русского собрания П.Ф. Булацель отмечал особое значение обедов для живого общения и единения русских людей: «Если на докладах и в чтениях вырабатывались постепенно мысль и идеи Русского собрания, то эти оживлённые обеды, с бесчисленными застольными речами и весёлыми

⁶ Васильев А.В. Об исконных творческих началах и бытовых особенностях русского народа. Пг. (так в издании. – Ред.), 1902.

⁷ Устав Русского Собрания. СПб., 1901, Пг., 1916. С. 2.

Афанасий Васильевич Васильев.
Рисунок, сделанный 6 декабря 1917 г.
на заседании Поместного собора
Православной российской
церкви (РГБ)

Николай Александрович
Энгельгардт

Сергей Николаевич
Сыромятников

экспромтами и музыкальные вечера в переполненном зале сослужили неоценимую службу, создав для членов Собрания уютную, родную обстановку, сплавивая их в дружную семью, объединённую не только общими идеями, но и чувством живой любви к родному Собранию».

Начиная с 1903 г. по инициативе местных жителей стали появляться отделы Собрания в других городах Российской империи. К 1904 г. были открыты отделы в Харькове, Одессе, Оренбурге, Екатеринославле, Варшаве, Киеве, а в Вильне появился «Союз членов Русского собрания».

В Собрании, особенно на начальном этапе, могли состоять члены с разными мнениями по обсуждавшимся вопросам. Например, учредители Собрания А.С. Суворин и Н.А. Энгельгардт выступали за сохранение крестьянской общины, а С.Н. Сыромятников полагал, «что надо прекратить её искусственную консервацию, разрешив свободный выход из неё, после чего община сама постепенно отомрёт»⁸.

В уставе Русского собрания ничего не было сказано про отношение к инородцам, не определялись национальность, вероисповедание членов организации. Кроме великороссов, украинцев и белорусов, небольшую группу среди членов Собрания составляли православные поляки и немцы. В состав Собрания входили также молдаване и армяне⁹. Положения об инородцах, о церкви и о политическом строе появятся в программных документах Русского собрания позднее, в декабре 1906 г., когда организация начнёт активно участвовать в политических процессах.

Таким образом, в начале своего существования Русское собрание ставило задачу собрать людей для осуществления «русского общественного дела». В основание этого дела предполагалось положить не узко националистическую идеологию, а «широкое

образование» с открытостью достижениям других народов. Учредители организации стремились устроить не клуб по интересам для своих, а влиятельную общественную школу, школу общественной мысли, в которой могли бы вырабатываться идеи, вырастающие из русской традиции.

Первый председатель Русского собрания князь Дмитрий Голицын в сообщении «О своем доме» говорил: «Мы считаем, что для каждого народа естественный путь к будущему идёт от прошлого, а не откуда-нибудь со стороны...» У народа, как и у отдельного человека, большая потребность в любви. «Эту любовь народность отдаёт своей Родине. В этой любви – сила народности, вся её душа». Но в России сложилась такая ситуация, когда любить своё, родное признаётся признаком отсталости. Причем «отсталым признаётся любящий родное только в том случае, если он русский... нам стараются внушить, что всё русское плохо, бесплодно, бесцельно, что служение ему противоречит поступательному движению человечества». Голицын предупреждал, что такие настроения опасны, так как они ведут к ослаблению народа, его омертвлению, ведь «человеческая жизнь осмысливается общением с жизнью Родины. Равнодушие к отечественному делу ведёт к вымиранию души. Отечество – живое существо, требующее от нас жизни».

Уникальность Русского собрания князь видел в том, что в нём созданы условия для плодотворного общения и объединения в деле созидания общего дома. «Многими, очень многими положены великие труды на пользу выяснения наших русских начал, русских заветов. Но не было такого общественного устройства, которое бы могло содействовать объединению русских деятелей и их работы. Русский человек трудился одиночкой, часто вне условий бодрящего общения с единомышленниками. Между тем, потребность в этом общении ощущалась определённо. Она была осознана теми, которые составили кружок учредителей «Русского собрания», положили начало дому русских людей».¹⁰ КФ

⁸ Лукоянов И.В. Русское собрание // Россия в XIX-XX вв. СПб., 1998. С. 167.

⁹ Кирьянов Ю.И. Русское Собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 75.

¹⁰ Известия Русского собрания. СПб., 1903. Ч. 2. С. 6.

О русских традициях общения

Из первой Русской беседы (октябрь 2016 года),
проходившей в Культурно-просветительском центре «Преображение»

Фото: Кирилл Мозгов

Алексей Андреевич Наумов, священник Георгий Кочетков, Андрей Анатольевич Левандовский,
Юлия Валентиновна Балакшина

Священник Георгий Кочетков: В нашей жизни, в нашей стране наступил сотый год с начала Русской Катастрофы и нельзя, как нам представляется, пропустить это время, не уделить ему никакого внимания. Я думаю, что все как-то об этом думают так или иначе. И мне представляется, что это время очень подходит для размышлений о том, на какой земле мы живём, являемся ли мы наследниками русского народа, являемся ли мы теми, кто готов отвечать за эту землю, за её прошлое, настоящее и будущее. Прошло целое столетие, это уже большой исторический срок. Ни к чему прежнему невозможно просто взять и механически, «один к одному», вернуться. Но должно быть движение вперед. Для этого должно быть осмысление настоящего и прошлого. Мы должны действительно знать свои корни.

В связи с этим мы хотим устроить небольшой цикл бесед, свободных встреч разных людей с разными взглядами. Но людей, в чём-то себя уже проявивших, известных в своих областях, тех, кому действительно есть, что сказать, и кто может ощущать себя полноправными наследниками этой земли, наследниками старого русского народа. Поэтому мы назвали этот цикл встреч «Русские беседы» (именно русские, не российские). Нам хотелось бы обсудить то, что есть, что было, что стоит возродить, что стоит сохранить, чем и как мы можем пользоваться как своим наследием и что мы сможем в будущем от этого ожидать.

Нам было бы интересно увидеть, что же из нашей истории сохраняет свою актуальность. Сейчас в обсуждении этих проблем существует очень много

всяких искажений. В советские времена вообще было принято лишь насмехаться над Россией и русским народом, русской историей. Это был общий советский стиль. К сожалению, часто он сохраняется до сих пор. Мы это постоянно видим в СМИ. Даже какие-то националистические круги (вернее, те, кто себя так называет или таковыми считается – я не верю, что они по-настоящему националистические), как правило, русской истории не знают, не понимают и самое главное – её не наследуют, а наследуют нечто совершенно иное.

Наша же цель в том и заключается, чтобы подумать вместе об этом наследии, начиная с простого. С того, что мы сегодня хотели обсудить, говоря о русских традициях общения. И, может быть, потом мы будем говорить о более сложных вещах.

Я хотел бы рассказать о том общении, в результате которого родилась русская интеллигенция. На мой взгляд, явлением, давшим мощный импульс созданию этой идейно-духовной общности, был кружок Станкевича.

В России всегда говорили много, общаться любили в самых разных ситуациях, при самых разных обстоятельствах. Но как общественное явление это дружеское общение стало заметно именно в 1830-е годы.

Застывшая эпоха

В значительной степени это было продиктовано самим временем и виновником тому, по моему, стал сам Николай Павлович и его политика. У него как у государя было великое множество достоинств, и прежде всего – ответственность за своё дело. Он был одним из самых ответственных монархов, которых я вообще знаю. Человек, работавший невероятно много, знавший, чего он хочет, умевший этого добиться. Но у него был недостаток: полное отсутствие ощущения движения времени, искреннее убеждение, что можно ввести некий порядок раз и навсегда и потом его поддерживать. А это же не так. Необходимо всё постоянно перестраивать. Иначе то, что произошло в 1917 году, почти неизбежно. А он, человек в высшей степени волевой, к тому же находившийся под воздействием событий 14 декабря

1825 года, в сущности, обратился к населению России с чёткими требованиями принять определённую идеологическую программу («православие, самодержавие, народность») и соблюдать её во что бы то ни стало.

Я где-то читал, что разница между авторитарным и тоталитарным режимом состоит в том, что авторитарный режим запрещает тебе говорить то, что не должно (с точки зрения власти), а тоталитарный заставляет тебя говорить «то, что должно». Режим эпохи Николая Павловича был, конечно, авторитарным. Это прежде всего система запретов, которая осуществлялась очень последовательно. Чиновничий надзор, очень жёсткая цензура – жёстче в дореволюционной России и не было. И в своём роде великолепное III отделение, нечто значительно более важное, чем просто система политического сыска. Прежде всего речь шла о тотальном контроле над жизнью не только внешней, но и внутренней, духовной: чтобы чиновники взяток не брали, чтобы мужья жёнам не изменяли, чтобы иностранцы были постоянно под призором. Чтобы в России был порядок, чтобы устои соблюдались. По замыслу Николая Павловича, III отделение должно было ещё и защищать обиженных и угнетённых. Складывается впечатление, что каждый житель России должен был ощущать за своей спиной что-то вроде ангела-хранителя в

голубом мундире. В одной руке – розга, в другой – носовой платок, чтобы утирать обиженным слёзы.

И III отделение действовало весьма результативно. И знало очень много, и меры принимало своевременные. Хотя за всем, конечно, не уследишь. Причем что характерно: было ощущение, что хорошо организованная власть с такими явными проявлениями зла как коммунизм, анархизм справится без особого труда. А всё большие и большие опасения, раздражение и сомнения начинают вызывать иной образ мышления, иной образ жизни. То есть неподчинение авторитетам в любой сфере, в том числе литературной, предположим; ощущение собственного достоинства и высказывание этого чувства собственного достоинства; очень трогательное отношение к разуму как к силе, которая может решить все проблемы и так далее. В сущности можно говорить о проявлениях того, что обычно называют европейской ментальностью в русской жизни. Власть это чрезвычайно тревожило, с этим она боролась.

У историка советского времени Н.Я. Эйдельмана есть удивительно верное наблюдение: уникальность России первой половины XIX века в том, что не было ни одной страны, где просвещение так быстро развивалось бы на фоне всё более усиливающегося деспотизма. Эта «нестыковка» началась после того, как Пётр ввел Россию в русло европейской культуры. С

Н.В. Станкевич

одной стороны, Россия в своих образованных слоях всё более и более принимала европейское просвещение. А это неизбежно стремление к приоритету разума, к воспитанию чувства собственного достоинства, к критическому отношению к окружающему. А с другой стороны – власть становилась всё более деспотической, а крепостное право всё более значимым явлением русской жизни. То есть просвещение настраивало на свободу, а реальная жизнь становилась всё более несвободной. Но вот в 1830-е годы возникает явление нового характера – дружеские кружки Герцена и Станкевича.

Сен-Симон под жжёнку и Гегель под чай с вареньем

Кружок Герцена, формально – первый социалистический кружок в России, был фактически разгромлен через полтора-два года после своего зарождения. В

сущности, из этого кружка по-настоящему серьёзное значение имел только один человек – сам Герцен.

А вот кружок Станкевича – удивительный и в своём роде уникальный. Достаточно перечислить его членов и вспомнить, кем каждый стал в будущем. Виссарион Григорьевич Белинский, западник крайнего радикализма и крайней эмоциональной силы. И его «контрагент» – Константин Сергеевич Аксаков, человек столь же эмоционально сильный и впоследствии самый, наверное, крайний славянофил. Позже, в 1840-е годы, они друг о друге слышать не могли, начинали сразу топтать ногами, махать кулаками. А в кружке Станкевича они – ближайшие друзья и вместе занимаются одним и тем же делом. Михаил Александрович Бакунин, впоследствии – создатель не только русского революционного движения, но и мирового анархизма. И в то же время Тимофей Николаевич Грановский, совершенно очаровательный человек большой интеллектуальной силы, либеральный западник, знаменитый профессор Московского государственного университета, который историю сделал наукой, воздействующей не только на ум,

но и на душу своих слушателей. Михаил Никифорович Катков, который впоследствии был одним из самых ярких либералов-западников, а ещё позже стал настоящим лидером и идеологом консервативного движения. Тургенев был близок к этому кружку. И так далее.

Возникает ощущение, что это корень, из которого впоследствии родилось чуть ли не всё русское общественное движение. А в 1830-е годы они сидят все вместе и читают сначала Канта, потом Фихте, потом Шеллинга, потом Гегеля. Читают, обсуждают, пишут рефераты и рассуждают на темы, которые порождает в них чтение всех этих разумных книг.

Социализм в кружке Герцена шёл под спиртные напитки, под жжёнку*, а Гегель в кружке Станкевича – исключительно под чай с сухарями с вареньем. И вот с десяток юношей сидят где-то в тесной комнате (Станкевич – сын богатого воронежского помещика, но жил он очень скромно в Москве в сети арбатских переулков) и рассуждают на очень формальные темы, которые, казалось бы, не могут захватывать: трансцендентное, трансцендентальное, переход количества в качество...

Кружок Герцена накрыли

* Разновидность пунша, состоит из ряда смешанных друг с другом крепких напитков, фруктов, шампанского, а также

смоченного ромом и подождённого сахара (иногда его гасили ледяным шампанским). Вызывает достаточно сильное похмелье.

У Станкевича подход именно классический: в спорах рождается истина. Просто видно, как он раскрывает себя в споре. Как он пытается передать своему реальному оппоненту то, что его по-настоящему волнует и понять, чем этот оппонент дышит. Главное – не настоять на своём, а понять. И в этом понимании рождается какое-то общее решение вопроса... Поразительный человек, и такое ощущение, будто Господь Бог его создал именно для того, чтобы он был главой кружка в Москве в 1830-е годы.

сразу, потому что пошли доносы, и его легко было взять под колпак. Социализм, Сен-Симон – ясно, что это вещи, враждебные существующей системе. А кружок Станкевича практически прошёл через все 1830-е годы. Трансцендентное, трансцендентальное – этого никакая прислуга не могла воспроизвести, никакой доносчик не мог донести, а если бы даже донесли, то ощущение было бы такое: у ребят крыша едет, и это не представляет никакой политической угрозы существующему строю, конечно.

Наследный принц

Ещё нужно сказать о самом Станкевиче. Поскольку мы говорим об общении, очень важно, конечно, сказать о том, как он общался. И мы об этом, к счастью, знаем, поскольку сохранилась его потрясающая переписка. Это вам не нынешние эсмэски, лайки и прочее. Человек просыпался и сразу начинал писать письмо товарищу, с которым днём должен был увидеться. Днём виделся, получал некий импульс, писал ему несколько записочек после расставания – благо, были лакеи, с которыми их можно было передать. А вечером садился и полночи писал подробный отчёт о прошедшем дне. Такое ощущение, что если не было живого обще-

ния, обязательно должно было быть письменное. Собственно, сам Николай Владимирович Станкевич ведь не создал ничего значимого. Кое-какие стихи (он сам признавался, что очень среднего уровня), драма, так и не дописанная, никуда не годная. Но у него потрясающие письма.

Они все прекрасно писали. Письма Белинского до сих пор можно читать, такое ощущение, будто он рядом сидит и захлёбываясь тебе внушает, какой ты обалдуй, что не понимаешь самых простых вещей. И это как раз характерно для большинства. Они очень страстны и нетерпимы. А письма Станкевича – другие, и я иногда просто перечитываю их для удовольствия, потому, что он не просто умный, а удивительно терпимый...

Меня ещё с 1990-х годов поразили наши ток-шоу. Я их давно не смотрю, но, наверное, они остались такими же, какими были. Что такое дискуссия сегодня в понимании большинства? Это «стукнуть оппонента об стенку пару раз физиономией», а самое главное – «усесться сверху»: «Я победил в этой дискуссии!» У Станкевича же подход именно классический: в спорах рождается истина. Просто видно, как он раскрывает себя в споре. Как он пытается передать своему реаль-

ному оппоненту то, что его по-настоящему волнует и пытается из оппонента извлечь максимум возможного для себя. Понять, чем этот оппонент дышит. Главное – не настоять на своём, а понять. И в этом понимании рождается какое-то общее решение вопроса.

Поразительный человек, и такое ощущение, будто Господь Бог его создал именно для того, чтобы он был главой кружка в Москве в 1830-е годы. Он, кстати, с этого начал, этим и кончил. В 1839 году он в 26 лет умер от чахотки. Но оставил по себе очень крепкую память. Тургенев замечательно писал, что он производил впечатление наследного принца, который сам об этом не догадывается. То есть это был человек утончённого аристократического образа мысли и предельно демократичный в своём общении. Абсолютно лишённый самолюбия, самомнения. Пока он жил – кружок функционировал, он умер – кружок, собственно, распался. Или перешёл на другой уровень бытия.

Весь мир – процесс

В какой-то момент они вышли на диалектику, великим мастером которой был Гегель. Это удивительно динамичное восприятие мира. Статики нет вообще. Весь мир – это процесс, он постоянно находится в движении и преобра-

Салон Елагиных. Изображены (слева направо): Д.Н. Свербеев, Д.А. Валуев, Н.Ф. Павлов, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, А.А. Елагин, К.С. Аксаков, С.П. Шевырëв, А.Н. Попов, В.А. Елагин, П.В. Киреевский (рядом бульдог Булька). Рисунок Э.А. Дмитриева-Мамонова. Первая половина 1840-х гг.

зуется по определенным законам. И Гегель эти законы знает и может им обучить. Появлялось захватывающее ощущение, что ты можешь стать сотрудником высшей силы. Это же очень заманчиво, согласитесь. Вот они и пытались разобраться.

И выяснялось, что в мире действуют законы, причём они одинаковы во всех сферах. Знаменитый закон перехода количества в качество: снежный склон, падает снег, снежный покров всё толще, толще, и количество снега переходит в новое качество – лавина. Вот встретились два человека, юноша и девушка. Взгляд, другой, разговор, зарождается симпатия и – законный брак, семейная жизнь. В России накапливаются определённые проблемы, их всё больше и больше и – взрыв. Всё это, конечно, воспринималось и формулировалось далеко не так буквально, ощущение диалектики входило в них постепенно и очень органично. И что характерно, они

пытались жить по Гегелю. Что нелегко.

На «замирённой территории»

Кружки объединяют близких по духу, по мысли людей, которым тепло друг с другом. Они собираются, потому что их волнуют одни и те же идеи, они делятся своими мыслями, которые близки... Изменил ты свои соображения, тебе в кружке скучно, неинтересно – ты из него выходишь. Никаких уставов, никаких программ, это действительно дружеский круг. А салоны один из самых дельных современников и в то же время историков той эпохи, Павел Васильевич Анненков, называл «замирённой территорией». Территорией, на которой люди разных взглядов могли встречаться и обмениваться своими взглядами. При отсутствии политических партий, при отсутствии радио и телевидения, при очень жёсткой цензуре, при политическом надзоре салоны – это одна из немногих отдушин.

И вот с начала 1840-х годов в понедельник у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у Елагиной собираются западники, славянофилы, сочувствующие, негодующие и спорят, спорят до бесконечности. Эти споры каким-то странным «капиллярным» образом начинают распространяться по всей стране. Из небольших кружков, из споров двух-трёх десятков человек, казалось бы, чудесным образом (хотя можно проследить, как) рождается русское общественное движение. И когда приходит время преобразовывать страну и Александр II заявляет о необходимости отмены крепостного права, оказывается, что идея реформ поддерживается чуть ли не всем образованным русским обществом (хотя встречает очень сдержанную реакцию в дворянской среде в целом). Как это произошло? За счёт этих мальчиков, за счёт этих кружков и салонов, споров, обмена мнениями – свободного общения. **КФ**

Японское оглашение

150 лет назад святитель Николай крестил трёх первых православных японцев

Первые оглашаемые иером. Николая (Касаткина) стали его первыми помощниками в деле миссии и катехизации. Святитель Николай Японский (в центре), Павел Савабэ (слева) и Иоанн Сакаи (справа)

В апреле 1868 года отец Николай (Касаткин) – святитель Николай Японский – крестил первых трёх японцев, решивших принять православие. Савабэ Такума, Сакаи Токурэй и Урано Тайдзоо приняли имена апостолов – Павел, Иоанн и Иаков.

История обращения Савабэ Такума очень драматична. Синтоистский жрец, пользовавшийся уважением народа и получавший значительные доходы, он возглавлял группу борцов за возвращение императору власти, требовавшую выдворения из Японии всех иностранцев. Особенно неприязненно он относился к духовенству, так как был убеждён, что религия – это то, чем иностранцы собираются сокрушить японский дух изнутри, и потому священников надо уничтожать в первую очередь.

В 1865 году вооружённый мечом Савабэ Такума встретился с иеромонахом Николаем (Касаткиным), намереваясь его убить. Святитель спросил его, почему Савабэ гневается на него, на что Савабэ ответил: «Вы пришли сюда, чтобы погубить нашу

страну». «Справедливо ли осуждать то, чего ты не знаешь? Позволь мне рассказать тебе о нашей вере», – ответил ему о. Николай. После этого разговора Савабэ начал изучать христианское учение. «Познакомившись с Верою, он почувствовал отвращение к своему служению, бросил его и решился посвятить свои силы на служение Богу истинному. Спустя год, он нашел себе товарища, а ещё в продолжение года они нашли себе третьего собрата...»¹

После крещения о. Николай «снабдил [их] книгами и отправил в разные стороны... Целию их путешествия, кроме ближайшей – скрыться от опасности², поставлено ещё то, чтобы они хорошо разузнали везде направление умов, постарались найти людей, нужных для нашего дела и, наконец, если можно, положили по местам хоть начатки христианских обществ»³.

После крещения Павел Савабэ не стал скрывать своего обращения и отказался от жреческой должности. Его бывшие прихожане плевали ему вслед, вдогонку неслись оскорбления. Жена помешалась от горя и ужаса. В припадке безумия она подожгла свой дом. Жрецом в старой кумирне по наследственному праву семьи Савабэ стал восьмилетний сын Павла, который кормил этим себя и больную мать (впоследствии сын Павла принял православие). Павлу пришлось пережить и тюремное заключение.

Савабэ и Сакаи стали первыми проповедниками христианства в тех глубинных областях Японии, куда был пока ещё закрыт доступ самому архимандриту Николаю как иностранцу. Благодаря этому архимандрит Николай смог в 1871 году открыть православный приход в Токио. Святитель говорил про своего ученика: «Бедный Савабэ трудится для Христа так, как редкие в миру трудятся. Он весь предан своему труду, весь в своём труде, и что его труды не тщетны, свидетельствуют десятки привлечённых им ко Христу».

В 1875 году Павел Савабэ стал первым японским православным священником. **КФ**

¹ Из статьи иером. Николая (Касаткина) «И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате» (июль 1868 года).

² В начале 1868 года вышли указы нового правительства, одним

из которых запрещалось принимать христианскую веру.

³ «И в Японии жатва многа...»

Братский помянник

6 апреля 2014 года в канун Благовещения в возрасте 88 лет отошла ко Господу Елизавета Михайловна Шик.

Дочь священника Михаила Шика, принадлежавшего к «мечёвскому» кругу и расстрелянного в Бутове в 1937 году, по матери — из дворянского рода Шаховских, она до самых последних дней жизни участвовала в подготовке к изданию удивительного по своей силе свидетельства эпохи — двухтомника переписки своих родителей.

На Благовещение 7 апреля 1925 года скончался патриарх Тихон (Беллавин).

Все знают, что он был избран на Поместном соборе после двухсотлетнего синодального периода. Но далеко не так широко известно, что возглавляя Алеутскую и Северо-Американскую епархию в начале XX века, он познакомился с опытом православных братств, помогавших в укреплении православной веры среди местного населения, а в тяжелые дни 1918 года призвал верующих Православной российской церкви ответить на преступные действия советской власти

объединением в духовные союзы: «Пусть верные чада в союзе любви соединяются с архипастырями и пастырями своими и вкупе являют служение в духе и силе».

На Благовещение 7 апреля 1978 года скончался исповедник веры архиеп. Ермоген (Голубев).

Отец Павел Адельгейм вспоминал: «Когда в храмах заперщася даже косметический ремонт, архиепископ Ермоген в 1958 году построил в Ташкенте великолепный кафедральный собор. Он распорядился приобрести причтовый дом для каждого храма епархии, так что каждый священник, приезжая на приход, получал благоустроенное жильё. Своим указом запретил младшим клирикам делать подарки старшим по положению: только старшие могли одаривать младших. Такое положение делало невозможным симонию и коррупцию. В конце концов за свою твёрдость и верность архиерейскому долгу архиепископ Ермоген лишился кафедры. Скончался в Жировицком монастыре, куда был фактически сослан».

На Благовещение 7 апреля 2008 года отошёл ко Господу протоиерей Павел Алексахин.

Отец Павел был духовным наставником и старцем движения беседников, которое восходит к Мельничной общине, окормлявшейся преподобным Серафимом Саровским. Его духовные советы бережно хранят как духовные чада, так и многочисленные паломники, приезжавшие в Самарскую область.

На Благовещение 7 апреля 2008 года отошёл ко Господу протопресвитер Виталий Боровой.

Доктор богословия, историк церкви, дипломат, один из самых ярких деятелей Русской православной церкви во второй половине XX — начале XXI вв., он достойно представлял её на международных богословских конференциях и собеседованиях. До конца жизни он глубоко понимал и поддерживал Преображенское братство. Один из духовных учителей священника Георгия Кочеткова.

9 апреля 1945 года в немецком концлагере был повешен лютеранский пастор, богослов Дитрих Бонхёффер.

Один из основателей Исповедующей церкви, не подчинившейся нацистскому режиму и один из наиболее последовательных основателей и проповедников общинной жизни, он во всех своих произведениях боролся за её подлинность, за «общение с братом через Христа», за отрицание соблазна «дешёвой милости». В годы заключения был примером подлинного мужества для тех, кто оказывался рядом с ним.

19 апреля 1966 года скончался исповедник веры преподобный Севастиан Карагандинский.

Узник Карлага, перенёсший заключение за отказ отречься от веры, на допросе он говорил следователю: «На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей». Подвергался пыткам. После выхода из лагеря основал тайную православную общину под Карагандой, в которой в подростковом возрасте укреплялся в вере будущий священник Павел Адельгейм. Отец Севастиан утешал многих приезжавших к нему людей — ссыльных, измученных, нуждавшихся в духовном совете и поддержке. Добился возможности открыть на месте тайного церковного собрания храм, где служил настоятелем более 10 лет до самой кончины.

Соборность в постконстантиновскую эпоху

Мы продолжаем публикацию наиболее интересных материалов фестиваля «Преображенские встречи», прошедшего в августе 2017 года.
Окончание второй пленарной встречи фестиваля – «Время ли новой соборности?»*

Фото: Александр Волков

Юлия Балакшина, председатель Свято-Петровского братства, соведущая круглого стола: Прозвучал тезис о том, что Константиновская эпоха уже закончилась. Значит, те формы соборности, собирания народа, которые были связаны с ней, тоже себя как-то изживают. А нам-то жить сегодня и сейчас: нам, простым верующим, вам, священнослужителям, и всем, кто входит в нашу церковь. И хочется нести ответственность за ту ситуацию, в которой мы сегодня и сейчас оказались. Хочется понять: какие шаги, какие пути по созиданию этой соборности сейчас нам доступны? Потому что Межсоборное присутствие – это, конечно, прекрасный пример, но всё-таки всех нас туда не пустят, а наша ответственность тоже в чём-то выражается...

Игумен Серапион (Митько):

Я думаю, что соборность – это не стремление заменить власть епископов или пресвитеров на власть мирян, а это стремление заменить власть на любовь. (Аплодисменты.)

Я очень пессимистически отношусь к возможности возрождения соборности в наших нынешних условиях. Я уже говорил почему: потому что для того, чтобы миряне как царственное священство могли принимать деятельное участие в жизни Церкви – например, выдвигать из своей среды священников, – необходимо понять, кто есть член церкви. Сейчас очень многие люди называют себя православными, или (есть ещё такое самоназвание) прихожанами. Вплоть до того, что иногда приходится слышать парадоксальные вещи: «Я прихожанка, но я против того, чтобы здесь строился новый храм». В тех сообществах, где есть тождество формального и фактического членства, дух соборности присутствует. Но для этого прежде всего приход должен стать общиной там, где это возможно. Здесь важно сказать, что как слово «соборность» – очень сложное в своём историческом

развитии, так и слово «приход». Как мы его воспринимаем? Вот люди приходят и уходят, прихожане, захожане. На самом деле, конечно, слово «приход» связано со словом «парусия», с ожиданием пришествия Христова – со словом, которым апостол обозначал церковь, временно пребывающую на земле и ждущую восхищения на небо. То есть связано оно с приходом вовсе не в здание храма, а в Небесный Иерусалим. Так что мы должны переосмыслить очень многие вещи. И последнее: проблемы возрождения соборности могут иметь ту же судьбу, что и во времена Поместного собора 1917–1918 гг. Мы стоим перед лицом часто неосознаваемых проблем. Это проблема активизации атеизма, который никуда не ушёл. Никто не сделал выводов из событий революции

* Первая часть материала опубликована в «Кифе» № 3(235), март 2018 года, под заголовком «Время ли новой соборности?»

1917 года, никто по-настоящему не покался, никто не изменил своё сознание. (*Аплодисменты.*) Может быть, я зря говорю слово «никто»: кто-то покался. Но само ощущение того, как общество сегодня реагирует (или, вернее, не реагирует) на это столетие, показывает, что, наверное, у нас ещё что-то впереди. Об этом же говорит растущая ненависть к христианам (может быть, не без нашей вины), ненависть ко Христу, отрицание бытия Божия – и не просто отрицание его как идеи, но и отвержение всех выводов из нашей веры и того образа человека, который из неё вытекает. Возможно, нам предстоит ещё увидеть дурное повторение минувшего. И нам нужно быть готовыми творчески хранить свою веру и быть христианами, что бы ни случилось. Хотя всё равно хотелось бы видеть оптимистический вариант развития, потому что есть и те, кто ещё не пришёл в этот мир, и дети, и дай Бог всем доброй христианской жизни.

Юлия Балакшина: Я не удержусь от двух комментариев. Во-первых, по поводу покаяния не случайно раздалась аплодисменты, потому что в этом году Преображенское братство дерзнуло обратиться и к церкви, и к обществу как раз к призывом к такому покаянию. Не скажу, чтобы большое число клириков рискнуло подписать это обращение, но надеюсь, что по крайней мере в душе они к этому присоединились. Во-вторых, в практике современной жизни я очень хорошо знаю не один случай, когда какой-нибудь священник начинает пытаться превратить свой приход в общину, и первое, что начинают делать прихожане, – это писать на него доносы,

чем выше, тем лучше. И дальше у священника как-то руки опускаются. Тем не менее, мы ищем дальнейшие пути возрождения реальной соборности в нашей современной жизни.

Протоиерей Александр

Лаврин: Я хочу поделиться тем, что я наблюдал на разных приходах и с чем, собственно, столкнулись, мне кажется, мы все на сегодняшний день. Те или иные кризисы и ошибки в церковных формах были естественны после того, как церковь освободилась от многолетнего бремени официального атеизма. С 1990-х начался поиск новых форм приходской жизни; их было много. Это и самая разнообразная кружковая работа, и воскресные школы, и гимназии, и помощь в больницах, и волонтерское движение. Все они, безусловно, объединяли людей. Но надо осознать, что наступил кризис этих форм, что и должно было случиться, на мой взгляд. Можно быть пессимистом, можно быть оптимистом, но, как мне кажется, сейчас большинство членов церкви – это люди, которые пришли в неё в конце XX века из морока неверия, от них же первый есмь аз. Для нас в XX веке всё-таки самое главное – отличие коллектива от общины. И, к сожалению, соборные формы оказались подменены коллективным деланием – «мы все вместе что-то делаем, нам в

общем-то это нравится, это хорошо». Но ведь это совершенно оторвано от евангельской жизни, от Христа, от Его заповедей, вообще от всего, что касается непосредственно Христа и Евангелия. И это сейчас больное место в целом в церкви, когда главное – что-то правильно исполнить. А как это соотносится с христовым словом и Самим Христом, мы редко задумываемся, и порой даже этот вопрос ставит человека в тупик. Мне кажется, что многие формы, которые уже родились, были бы хороши, если бы нас в них объединяло не общее дело, а личность Иисуса Христа – центр соборности, объединяющий Церковь. Я думаю, что мы часто пользуемся словами «соборность», «церковь», «молитва», «Бог». Нам кажется, что мы их знаем. И мы как само собой разумеющимися ими оперируем. Но как только мы начинаем вникать в смысл этих слов, то видим, что конкретное содержание, присутствие Христова в них мы не замечали. И мне кажется, что как раз обращённость ко Христу в любых уже существующих церковных формах как раз и могла бы напитать эти формы соборным евангельским содержанием.

Священник Алексей Попов: Хотелось посмотреть на проблему соборности, если так можно выразиться, ещё и в эсхатологической перспективе

Нужно вводить какие-то простые вещи, подтверждающие неслучайность собрания: общее пение, русский язык, целование мира. А для этого нужно менять отношения между людьми. Просто со случайными людьми ничего подобного не получится. Значит, нужно, чтобы церковь действительно знала себя, знала свои границы. Это принципиально важно.

и поставить вопрос несколько иначе: а возможно ли достижение соборности здесь на земле? И где пределы этой соборности? Какая соборность хорошая, а какая ещё лучше? Что-то мне подсказывает, что соборность в полном и исчерпывающем смысле этого слова возможна только с пришествием Христа. Именно поэтому, может быть, первые христиане и ждали (в отличие, кстати, от современных христиан) второго пришествия Христова, чтобы в свете Его лица все недостатки, всё безобразие, которое омрачало и омрачает жизнь церкви, исчезли и наконец стало ясно, кто есть кто и что есть что. Поэтому я думаю, что соборность – это, наверное, то, к чему мы можем и должны стремиться. Кстати, я уже по Божьей милости в третий раз прихожу сюда на это собрание и не перестаю удивляться одной простой вещи: все люди сюда пришли не потому, что их обязали директора, настоятели или епископ. Меня сюда пригласили. Я с радостью вот уже в третий раз откликаюсь положительно на это приглашение, хотя в общем-то мог бы и не прийти без всяких последствий для своего служения, для своей жизни, для своего

благополучия. Мог бы и не прийти, но я пришёл. Может быть, это и есть та соборность, которая реально достижима сегодня на земле, пока мы живем, глядя на истину «сквозь тусклое стекло, как бы гадательно».

Священник Георгий Кочетков: Конечно, конечно, надо что-то делать. И есть внутреннее ощущение, что пора начинать и продолжать. Кроме того, что надо изучать опыт прошлого, очень востребованным и плодотворным оказывается изучение церковного опыта «снизу». Поэтому так интересны оказываются церковные общины и братства, жившие в разные века, в разных регионах. Среди них очень много общего, и я лично чувствую, что в этом есть в наше время особая воля Божия. Так же, как и в воз-

рождении некоторых более глубинных традиционных пластов православной богослужебной традиции. Нужно вводить какие-то простые вещи, подтверждающие неслучайность собрания: общее пение, русский язык, целование мира. А для этого нужно менять отношения между людьми. Просто со случайными людьми ничего подобного не получится. Значит, нужно, чтобы церковь действительно знала себя, знала свои границы. Это принципиально важно.

Община и братство – это самая естественная форма существования церкви и самая древняя. Первоначально никаких епархий и приходов не было, но церковь как братство и церковь как община была с апостольских времён и никогда в этом качестве не прекращалась. Хотя иногда должна была вести своё существование почти как потаённая церковь, о которой мы слышали на примере опыта наших святых XX века. Вот если нам сделать акцент хотя бы на этом, я уверен, что новое качество появится, потому что будут новые люди и новые отношения. И тогда многие проблемы решатся, и вечно новая соборность явит себя. **КФ**

Редакция приносит свои извинения читателям (особенно тем, кто следит за публикацией материалов «Преображенских встреч») за типографский брак, из-за которого в прошлом номере осталась не пропечатанной часть материала «Проповедь и задушевные беседы». Приводим здесь разорванную реплику полностью:

Реплика из зала. Наш братчик Евгений Зобов, уже немолодой, седовласый, как-то подошел к настоятелю, отцу Сергию, и говорит: «А почему Вы не проповедуете?» Настоятель отвечает: «А у меня настроения нет». «Ну а как же я так уйду со службы, – говорит Евгений, – я только что услышал Писание, это требует наставления. А у меня слова нет». И вот Женя раза два с ним разговаривал, вёл такие

задушевные беседы, и действительно проповедь стала звучать. Это не единственный такой случай. На самом деле отклик, который рождается в нашем сердце, иногда очень ценен и важен для проповедника. Я сама подходила несколько раз к тем, чьи слова как-то особо задели, вдохновили, и благодарила их. И это всегда было продолжением общения. Обычно проповедник говорит, а мы внимаем, в конце говорим «аминь». Но есть ещё возможность как-то и во внебогослужебное время поговорить о том, что прозвучало, дать обратную связь. Мне кажется, это важно.

Гордимся ли мы Крестом Христовым

Из беседы священника Георгия Кочеткова
с членами Покровского малого православного братства (июнь 2017 г.)

Фото: Светлана Паршина

Здесь недалеко есть скромный музей и памятник свяennemученику Алексею Смирнову, напоминающий о том подвиге, который совершил этот простой сельский священник. Он всего 13 дней был под арестом до расстрела, но к нему уже успели применить пытки – всё, как обычно, система работала везде одинаково, советская власть была в действии. Очень хорошо, что сегодня вы ходили по всем этим местам, потому что это очень хороший урок для нас самих, я думаю.

Я сегодня прочёл заметку (наверное, вы её тоже читали) о том, что дети коптов гордятся своими отцами, которых обезглавили несколько лет назад игиловцы*. Это убийство двадцати одного человека ваххабиты сняли на плёнку и показывали в Египте для того, чтобы запугать христиан, прежде всего коптов, коренное христианское население Египта – потому что ваххабиты стремятся к тому, чтобы христиан в Египте не было.

Параллели напрашиваются сами собой. Советская власть тоже хотела, чтобы христиан в советской стране не было. Она была принципиально против Христовой веры. Поэтому, с одной стороны, в Советском Союзе

христиане страдали «ни за что», потому что они никаких законов не нарушали, даже если не сочувствовали советской власти (наверняка чаще всего так оно и было). Но это не было преступлением, которое каралось бы по советскому закону смертной казнью. Так что уничтожение христиан в этом смысле – прямое преступление советской власти из разряда преступлений против человечества. А с другой стороны, их было *за что преследовать* и им было *за что страдать*: за дело Христа.

Но смотрите: в Египте прошло всего несколько лет, и убитых уже причислили к святым мученикам. Патриарх торжественно вписал их имена в книгу мучеников Коптской церкви. Об этом знает вся страна, весь народ, весь мир. Дети и жёны всем рассказывали, что для них пример их отцов и мужей – это вдохновение верить и жить по-христиански.

И здесь у нас уже не возникает никаких ассоциаций. Родственников жертв советская власть пугала долго и настолько жестоко, что добилась всего, что задумывалось ею с самого начала. Помните, в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 году Ленин написал записку, что нужно расстрелять как можно

больше священников и церковников – так, чтобы на десятилетия никто не посмел даже подумать поднять голову? Это был самый страшный террор, хуже ИГИЛ*, хуже нацистов. Троцкий с Лениным здесь вполне добились успехов, потому что никто этого не ожидал. В России так никогда не было. Достоевский рассуждал: а можно ли войти в Царство Небесное, если пролилась хоть одна слезинка ребенка? А тут какая уж слезинка – и дети, и взрослые, всех вперемешку сваливали в эти ямы, в каждой яме по 50 человек. Сейчас, когда эти ямы открывают, не могут разобрать, где чьи кости, настолько всё перемешано. А сверху ещё засыпали их личными вещами (что получше – брали себе, а всякий хлам сваливали в те же могилы). Это я видел буквально на днях в Дубовке, где так погребены в лесочке под Воронежем 10 тысяч человек – не 20 человек, а 10000! Один священник случайно проходил мимо и увидел происходившее; понятно, что он не спасся, его расстреляли и кинули в ту же могилу прямо с крестом, в рясе. Такие места погребений были рядом со всеми городами страны – не только со столицей и областными городами, а даже со всеми районными городами. Сейчас стараются

* ИГИЛ – запрещённая в России террористическая организация. Новость см. например: <http://www.sedmitza.ru/text/7276612.html>.

Памятник свящennomученику
Алексию Смирнову в посёлке
Глебовское Истринского района
Московской области

Дети принесли к памятнику собранные по дороге цветы.
Во время летнего собора Свято-Николаевского малого
православного братства. Июль 2017 года

быстрее скрыть их и построить на этих местах что-нибудь – фабрику, завод, дом, что угодно. Память этих мучеников (из которых очень многие были настоящими христианскими святыми мучениками, если считать не только священников) до сих пор никому не нужна.

И вот, мы смотрим на всё это, рассказываем, но гордости я не слышу и не вижу. Никто не сказал, что они показали нам пример, как нужно жить и умереть во Христе – никто из нас! Потому что мы с них пример не берём и брать не собираемся, в отличие от коптских христиан, от их жён и детей. Мне понравилось именно то, что в этой заметке говорилось о детях – это бывает редко. И о том, насколько они сплотились, узнав о том преступлении, когда погиб 21 человек. А у нас погиб даже не 21 миллион, а больше. Я сразу вспомнил ту цифру, которую привёл только по официальным данным Кирилл Михайлович Александров: с начала революции до 1953 года в стране погибло (только погибло!) более

50 миллионов. Правда, эти люди гибли не только от репрессий, но и от голода, от войн... А сколько людей было просто искалечено – психически, физически, я уж не говорю – духовно.

И вот как мы через 100 лет после начала этого ужаса отличаемся от египтян. Нас ничто не берёт. У нас нет никакой гордости за подвиги, за героизм предков, за меценатов, художников, композиторов, которые обогатили весь мир! Мы ничем не гордимся на своей земле, поэтому ничего не наследуем. Мы не наследники – мы «перекати-поле», мы Ваньки, не помнящие своего родства.

Наверное, пройдёт ещё много времени, прежде чем слава таких мучеников, как отец Алексей, действительно для нас будет нашей славой. А таких людей действительно было множество. Посмотрите, сколько было храмов, и подобные истории, как с отцом Алексеем, рассказывали о каждом из них. Вот храм напротив нашего Культурно-просветительского центра – в нём тоже взяли священника в 1937-м

и тоже расстреляли. Рассказывали, что какой-то мальчишка тут же прибежал вечером, разбил окна и стал осквернять храм. Только арестовали священника, и вот уже советская молодёжь совершенно добровольно себя проявила. Грабить, осквернять, ломать – это то, что надо, это очень по-советски, так же, как и осуждать без вины на смерть и страдание. А представьте себе, как жили после расстрела отца дети и другие родственники. Вы же знаете, как относились к ним в те годы остальные люди и представляете себе, что переживали «дети врагов народа»! Поэтому до сих пор – 100 лет прошло с 1917 года и 80 лет с 1937-го! – многие из них боятся что-либо сказать о своём родном деде.

Так что ваш сегодняшний опыт очень интересен, и его, может быть, надо порекомендовать и другим братствам.

20 июня 2017 года,
Дом Культурно-просветительского центра «Преображение»

Первый Кубанский

С февраля по апрель 1918 года в Первом Кубанском (Ледяном) походе окончательно сформировалась Добровольческая армия

Текст: Александра Колымагина

«Мы уходим в степи. Можем вернуться, только если будет милость Божья. Но нужно зажечь свечечку, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы»
Ген. М.В. Алексеев

В январском номере мы рассказывали о нескольких центрах сопротивления октябрьскому перевороту в первые три месяца советской власти. В этом номере мы кратко расскажем о центральном событии гражданской войны следующих трёх месяцев: Первом Кубанском (Ледяном) походе. Конечно, слишком многие важные события при этом останутся «за кадром», в том числе и проходившие в те же месяцы поход дроздовцев Яссы – Дон и Степной поход донских казаков. Поэтому мы хотели бы посоветовать читателям обратиться для более полного образа этого времени к мемуарам участников событий.

Предыстория

Невозможно не напомнить, что в начале декабря формирующаяся на Дону Добровольческая армия (первоначально называвшаяся просто «алексеевской

организацией») защитила от красных Ростов (подавляющее большинство казаков в это время придерживались нейтралитета, несмотря на то, что избранный ими донской атаман Каледин объявил захват власти большевиками преступлением). В последние месяцы 1917 года вокруг чудом пробравшихся по затопленным хаотической и агрессивной солдатской массой железнодорожным путям на Юг России известных и любимых генералов – Алексеева, Корнилова, Деникина – собирались так же тайно приезжавшие на Дон немногочисленные офицеры и юнкера. К концу января в состав Добровольческой армии входили три полка (один из них состоял из учащейся молодёжи Ростова), три офицерских батальона и один юнкерский, два кавалерийских дивизиона, две артиллерийских батареи (преимущественно из юнкеров артиллерийских училищ и офицеров) и ряд мелких частей. При этом общая боевая численность всей армии, по оценке генерала Деникина, вряд ли превосходила 3–4 тысячи человек. (Формально это чуть больше состава одного полноценного полка.)

К концу января, после того, как к Ростову подошли новые силы красных (их численность приближалась к 10 тысячам), стало ясно, что дальнейшие бои за Ростов станут для добровольцев самоубийством. 28 января¹ генерал Корнилов известил атамана Каледина, что добровольцы уходят из города. С отрядом ушёл большой обоз: он состоял из гражданских лиц, бежавших от большевиков.

Путь на Кубань

Началом похода считается выход армии из Ростова 9(22) февраля 1918 года². Благополучно перейдя по начавшему трещать льду через Дон и даже переправив немногочисленные пушки, добровольцы на четыре дня остановились в станице Ольгинская. Здесь к ним присоединилось несколько казачьих партизанских отрядов. «Прибывают офицеры, вырвавшиеся из Ростова, раненные добровольцы, бежавшие из новочеркасских лазаретов. Притворяются здоровыми, боясь, что их не возьмут в поход», – вспоминал генерал Деникин.

Общего мнения о том, куда идти дальше, не было: в донские «зимовники» (так считал взявший

¹ Даты до 31 января 1918 года приводятся по старому стилю.

² Напоминаем, что конец января – начало февраля 1918 года – момент перехода на новый календарный стиль. Постановлением советского правительства после 31 января 1918 года сразу же шло 14 февраля. До этого момента мы использовали в наших очерках

старый стиль, т. е. приводили даты так, как они воспринимались современниками событий. Начиная с этого момента мы будем приводить две даты, по старому и по новому стилю, так как скорее всего долгое время кто-то ориентировался на новый стиль, кто-то на старый.

Михаил Васильевич Алексеев
(1857–1918)

Лавр Георгиевич Корнилов
(1870–1918)

Антон Иванович Деникин
(1872–1947)

Сергей Леонидович Марков
(1878–1918)

на себя военную власть Главнокомандующий генерал Корнилов) или на Кубань (таково было мнение главного организатора движения, взявшего на себя гражданское управление, внешние сношения и финансы, генерала Алексеева)? Решение менялось несколько раз, и окончательно армия решила уходить на Кубань только после того, как были получены неблагоприятные сведения о «зимовниках» – 15(28) февраля, в станице Мечетинской.

Так целью похода стал политический центр Кубани – Екатеринодар³.

Эта цель так и не была достигнута.

Недостижимый Екатеринодар

Направляясь к городу, Добровольческая армия надеялась соединиться с частями выступившей против большевиков независимой Кубанской народной республики. Однако уже 1(14) марта красные заняли Екатеринодар, оставленный без боя. Через несколько дней, 4(17) марта, добровольцы во взятой после упорного боя Кореновской получили подтверждение этому известию (которому сначала не поверили) из номера найденной в станице советской газеты. До заветной цели похода оставалась всего пара переходов.

Мнения вновь разделились:

Корнилов принял решение повернуть на юг, чтобы дать отдых войскам в горных казачьих станицах и черкесских аулах. Он опирался на мнение генералов Маркова и Неженцева: потери и так небольшой армии к этому времени достигли 400 человек, войска чувствуют крайнее утомление – физическое и особенно моральное. Генерал Алексеев, несогласный с этим планом, не стал настаивать на своём мнении; генералы Деникин и Романовский попытались переубедить Корнилова, но не преуспели. Историки до сих пор спорят, кто был прав.

Тем временем измотанные боями, отступавшие от столицы края кубанцы тщетно пытались найти Добровольческую армию и соединиться с ней. Только 11(24) марта, после того, как они направились в районе аула Вочепший на крупную группу красных и в бой пошли даже штатские из кубанского обоза, на них наткнулся разъезд корниловцев.

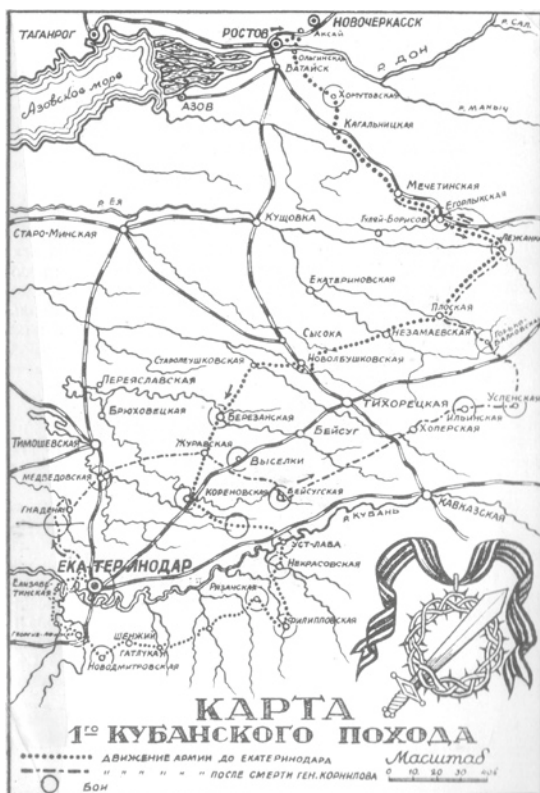
Именно к этому времени относятся те невыносимо тяжёлые дни похода, которые позже дали ему название «Ледяной». Неожиданно резко испортилась погода: дождь сменялся заморозками, шинели оледенели. Затем резко похолодало, в горах выпал глубокий снег, температура упала до 20 градусов ниже нуля. По свидетельствам современников, доходило до того,

что раненых, лежавших на телегах, вечером приходилось освобожать от ледяной коры штыками. И в эти же дни – одно из бесчисленных сражений. В нём отличились бойцы Офицерского («Марковского») полка. Генерал Деникин впоследствии запишет: «15 марта – Ледяной поход – слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях – не то были, не то сказки».

В результате состоявшегося не без проблем соединения с кубанцами численность Добровольческой армии возросла до 6000 человек, и несмотря на огромный численный перевес красных (Екатеринодар защищала их двадцатитысячная Юго-Восточная армия) штаб начал разрабатывать операцию по взятию столицы Кубани. Войска тем временем отдыхали и переформировывались, отбивая одновременно постоянные атаки красных.

Штурм Екатеринодара начался 27 марта (9 апреля). Начало его было достаточно успешным, но к концу четвертого дня стало понятно, что силы Добровольческой армии на исходе. Деникин передаёт это словами одного из офицеров-первопоходников, штабс-капитана Бетлингга: «От

³ С 1920 года и по настоящее время город носит название «Краснодар».

красногвардейцев, когда идёшь в атаку, просто в глазах рябит. Но это ничего. Если бы немного патронов...» На военном совете в ночь с 30 на 31 марта (с 12 на 13 апреля) все генералы штаба высказались за отступление. Тем не менее Корнилов принял решение продолжить штурм: после понесённых потерь, без патронов, отступление казалось самоубийственным – лучше погибнуть с честью... Единственный компромисс, на который он согласился – дать войскам день передышки и продолжить штурм 1(14) апреля. Но дожить до этого момента ему было не суждено: в штаб, размещённый в опасном, постоянно обстреливаемом месте, попал снаряд; он разбил стену комнаты Корнилова и смертельно ранил главнокомандующего Добровольческой армией.

Выводить ослабевшую и потрясённую случившимся армию из-под Екатеринодара (о штурме теперь не могло быть и речи) пришлось генералу Деникину. Ровно через четыре месяца он во главе Добровольческой армии всё-таки войдёт в город, который на два года станет фактической столицей белого Юга России. Но это будет уже другой поход – Второй Кубанский.

Возвращение на Дон

Последний месяц похода был не менее тяжёлым; в какие-то моменты приходилось противопоставлять превосходящим силам противника только военную хитрость. Вот как описывают очевидцы, например, выход через железнодорожные пути с бронепоездами, окружавшие добровольцев с нескольких сторон. «Марков, захватив железнодорожную сторожку у переезда, расположив пехотные части, спешно начал переправу раненых, обоза и артиллерии. Внезапно от станции отделился бронепоезд красных и пошёл к переезду, где уже находился штаб вместе с генералами Алексеевым и Деникиным. Оставалось несколько метров до переезда – и тут Марков, осыпая бронепоезд нещадными словами, оставаясь верным себе: «Стой! Такой-растакой! Сволочь! Своих подавишь!», бросился на пути. Когда тот действительно остановился, Марков отскочил, и сразу две трёхдюймовые пушки в упор выстрелили гранатами в цилиндры и колёса паровоза. Завязался горячий бой с командой бронепоезда, которая в результате была перебита, а сам бронепоезд – сожжён».

К 29 апреля (12 мая) армия вышла на юг Донской области в район станицы Мечетинской, той самой, где было принято решение идти на Екатеринодар. На следующий день поход, ставший вскоре легендой Белого движения, был окончен.

Итоги

Ледяной поход – наравне с двумя другими белыми «первыми походами», протекавшими одновременно с ним – походом дроздовцев Яссы – Дон и Степным походом донских казаков, создал боевой облик, боевую традицию и внутреннюю спайку добровольцев. Все три похода показали участникам Белого движения, что можно бороться и побеждать при неравенстве сил, в условиях трудной, казавшейся порой безвыходной, обстановки.

Александр Трушнович писал впоследствии, что история Ледяного похода послужит доказательством первенствующего значения духа, за исключением, конечно, какого-нибудь из ряда вон выходящего технического превосходства, ведь во всех 33 боях Первого похода не было случая, чтобы численность большевистских сил не превосходила в шесть-десять раз числа добровольцев. Многие из этих боёв выиграла армия, выход которой из Ростова в самом начале похода генерал Деникин описывает так: «По бесконечному, гладкому снежному полю вилась тёмная лента. Пёстрая, словно цыганский табор: ехали повозки, гружёные наспех и ценными запасами, и всяким хламом; плелись какие-то штатские люди; женщины – в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди «табора», войсковые колонны – всё, что осталось от великой некогда русской армии... Шли мерно, стройно. Как они одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего – под нищенским покровом живая душа. В этом – всё». Два перехода добровольцы шли по невылазной грязи, в которой некоторые буквально оставили обувь и продолжали путь босыми. Сам Деникин вышел в поход в штатском городском костюме и в сапогах с рваными подошвами – и практически весь поход болел тяжёлым бронхитом.

Дальнейшая судьба первопоходников сложилась по-разному. Очень многие погибли в последующие годы гражданской войны, большинство выживших оказалось в эмиграции, но кто-то остался в Советской России (и, конечно, всю жизнь тщательно скрывал своё прошлое). Среди последних – драматург Евгений Шварц, автор «Тени» и «Дракона» и сценарист советского фильма «Золушка»... **КФ**

Мой родственник Николай Японский

Борис Заболотский

Интересны всё же отношения человека и истории. Прежде чем поделиться, какой сюрприз преподал нашей семье Господь, каждый раз хочется немного сказать об этих отношениях. Может показаться странным, что история, память о прошедших событиях выступает как бы наравне с нами. Со своей же стороны мне трудно, но приходится признать, что моё отношение к истории вообще было в какой-то момент отрицательным: школа середины 80-х годов прошлого века, среди бела дня плотно зашторенные окна, параграфы, даты, удары указкой по столу, требующие гробовой тишины... Как итог, «каша» в голове, ведь со мной лично всё это преподаваемое, да ещё таким образом, не хочется, чтобы было даже как-то связано. С другой стороны, почему-то уже после такого «среднего образования» всё чаще хотелось говорить и говорить с бабушками о прежних временах (увы, дедушек я в своём сознательном возрасте не застал). Это была какая-то необъяснимая жажда, когда раз за разом, не боясь надоедать, переспрашиваешь, уточняешь, записываешь, кто из предков кем был, сравниваешь записи, и начинаешь всё сначала, — чтобы начать «что-то» понимать. Сколько при этом предстаёт семейных загадок, тайн, преданий, но и штрихов былой жизни. В какой-то момент понимаешь, что истории судеб моих близких вплетаются в развёртывающееся полотно истории народа и что это полотно совсем даже не серое, нити в нём имеют цвет, пусть не всегда понятный, но отражающий позицию. Так вот, например, внутренне как-то

радовало, но и призывало к осмыслительности понимание того, что прадед был белым офицером. Или недоумение от слов проговорившихся за застольем взрослых, что дед, служивший в НКВД, рассказывал, как «кого-то» зимой привязывали к грузовым машинам и волокли по дорогам... Это узнавалось мной до 20 лет от роду. А в 33 я вдруг решил, что пора уже прочитать в своей жизни Евангелие, и прочитал. Далее события можно либо связывать с этим фактом прочтения, либо нет, кому как видится, но тут же вскоре открылась самая глубокая тайна нашей семьи — мы нашли дело о репрессии прадеда в 1937-м. Шок, и затем шаг, чтобы заявить о своём праве получить это «дело». Всё это настолько оказалось переплетённым, и отношение к истории, и вера в Бога, что очевидно стало дополнять одно другим, подкреплять. Теперь мысли возвращались уже раз за разом к судьбе прадеда: как он себя ощущал в той исторической обстановке, чем были вызваны его действия? Наконец, почему всё так сложилось, и всё тот же простой вопрос: почему история во мне не укоренилась, не сохранялась в памяти? Далее пройдут ещё 10 лет жизни, уже в Церкви, где рядом такие же люди, с такими же вопросами, ищущие ответов.

И тут вдруг снова открытия, из XIX века: в нескольких ветках рода были священники. Поражает, как Господь не спеша открывает нам наши истории. Одновременно найдены два букинистических экземпляра издания с публикацией прапрадеда. Но самое впечатляющее, что открылось в этот же момент, когда вообще ещё с архивами не умеешь работать, так

это запись нашего соотечественника Ивана Касаткина — Николая Японского, послужившего делу просвещения Христова в Японии, запись в личном дневнике, где как родственники указываются мои же предки, тот самый прапрадед Леонид и его жена Мария. Обозримое историческое пространство само как-то начало расширяться, дополняются новые детали, события прошлых веков, которые, оказывается, непосредственно повлияли и на меня. Появилось ощущение, что за нашими спинами стоят те, кто нас поддерживает, кто возлагал, пусть и не явно, на нас как на потомков надежды, чьими последователями мы оказались. Появилась особая ответственность — не только «не ударять в грязь лицом», но и постараться понять наших предков, воспринять их опыт, перенять всё лучшее от них. И продолжить, умножить и передать последующим все эти дары от Господа.

Николай Японский 150 лет назад крестил первых трёх японцев, потом появилась автономная Православная Японская церковь — труд святителя во славу Божию. Это пример того, как воплотилась его любовь к Богу и людям, и как эта любовь по заповеди обратно вернулась — от людей, которые увидели в труде святителя смысл жизни и явили свою любовь к Богу. Поэтому для меня, например, сейчас главной задачей, собирающей людей, открываются в показанном ключе слова, так или иначе связанные со святителями Николаем Японским и Иннокентием Московским: «Сначала полюби тех, кому хочешь рассказать о Христе, затем сделай так, чтобы они тебя полюбили, а потом говори им о Христе». **КФ**

«Льётся дождик осиянный»

Несколько слов о пасхальных стихах андеграунда

Борис Колымагин

В СССР поэты культурного подполья создали немало текстов на религиозные темы. Например, написали стихи на большинство значимых событий церковного года.

Правда, большинство действительно замечательных вещей говорят нам о Рождестве. Пасха представлена в андеграунде гораздо скромнее, что

свидетельствует о западной культурной ориентации авторов «бронзового века» (выражение Славы Лёна). Пасхальность русской словесности, о которой любят порассуждать некоторые филологи, не утвердилась во второй культуре. И тем не менее здесь мы можем встретить интересные произведения. Не такие, конечно, шедевры, как стихи Пастернака из романа «Доктор Живаго», но заслуживающие, по крайней мере, упоминания.

К ним можно отнести стихотворение Елены Шварц «Отземный дождь» (1978). Поэтесса видит себя «свечой, на подоконнике горящей». Замечательны пластика стиха, инверсии: «у церкви / среди могил, у деревянной». И начинается мистерия света. Из померкших небес «льётся дождик осиянный» «огнями сотен свеч пасхальных». Дождик «льётся на платки и плечи». А ему навстречу – «дождь свечек – пламенный попятный. / Молитв, надежды – дождь отземный / С часовен рук – детей, старух». И в этом хороводе света появляется священник, который поет «как петух». Петух, петел – образ, безусловно, евангельский. Его крик напомнил апостолу Петру о предательстве. Но здесь он символизирует другое – утреннюю зарю, рассвет. Так Шварц соединяет физику и метафизику.

Немало произведений, связанных с пасхальной радостью, написал Валентин Никитин. Одно из них называется «Воскресение». Поэт переполнен пасхальным весельем и на все лады обыгрывает

Запрестольный образ храма-часовни в Дахау. Русский православный приход Воскресения Христова, Мюнхен.

Жёны-мироносицы. Михаил Нестеров, 1889 г.

звучащую внутри мелодию: «Одуванчики семян – / Первообразы семей – / Стынут в мареве крестов... / Ей гряди! / Грядёт Христос».

Наиболее полно тема праздника выражена в творчестве Александра Солодовникова. В стихотворении «Светлая заутреня в старости» (1960) он описывает праздничное богослужение. Его участники – и живые, и мертвые: «Там мама празднично лучистая, / Отец с улыбкой доброты, / Головка дочки шелковистая / И братьев милые черты». Отделенный от «любимых» незримой чертой, поэт молится и надеется на воскресение мёртвых: «Да будет уготовано / Обнять их мне... / Христос Воскрес!»

Сосредоточившись на радостной пасхальной вести, Солодовников (а слова его лирического героя соотносятся с авторским голосом) не стремится показать атмосферу вокруг храма. А она была достаточно напряжённой: в больших городах рядом с церковью стояли в оцеплении милиционеры и дружинники и не разрешали молодым людям войти в церковную ограду. Молитвенных зданий было мало, и на большие праздники возникала давка. Впрочем, об этом последнем затруднении автор косвенно говорит, когда пишет: «У храма я стою под окнами / В большой толпе, как перст, один». Внутри церкви Солодовникову попасть не удалось. Поэтому и остался стоять на улице, слушать доносящиеся из окна обрывки песнопений.

Четырехчастные «Пасхальные думы» (1960-е

годы) имеют отчётливый литургический окрас, они начинаются с греческих слов пасхального тропаря: «Христос анэсти эк нэкрон».

Вслед за Ломоносовым поэт размышляет о Божьем величии, о том, что «старый мир пошёл к закату, / Враждой и гордостью объятый». Автор связывает мотив воскресения с музыкой природы, которая после долгой зимы устремилась к свету и теплу.

Автор не просто говорит о сотворённом мире. Он вписывает в него и человека, который «чаёт заветного дня Воскресенья, / Как продолженья творенья».

Эту мысль о том, что крышкой гроба человек не заканчивается, что он будет развиваться духовно и за чертой, высказывал старший современник Солодовникова, святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Вряд ли поэт слышал проповеди прославленного учёного в Симферополе, тем интересней возникающие параллели.

Жизнь природная и вечная соединяются у Солодовникова не только посредством литургии, но и через образ света: «Так в ночь земную вечный праздник Света / уже предчувствуем, уже предвидим мы».

Кроме упомянутых выше авторов о Пасхе писали Олег Охупкин, Елена Игнатова, Зоя Масленникова... Благодаря им на языке поэзии в тёмном бархате советской ночи зазвучала весть о воскресении: «Христос воскрес!» **КФ**

Чудо как альтернатива

Вышла из печати пятая книга произведений Н.Н. Неплюева «Христианская альтернатива революционным потрясениям в России. Избранные сочинения 1904–1907 гг.»

Текст: Александра Колымагина

В издательстве СФИ вышел очередной сборник произведений Николая Николаевича Неплюева – выдающегося церковного деятеля, основателя Крестовоздвиженского братства.

При жизни опыт Неплюева был оценен лишь немногими, а его призыв к всенародному покаянию и уходу от пути, ведущего в пропасть, практически не услышан. Почти не воспринятым остаётся его наследие и сегодня, спустя столетие.

Особенно острое сожаление об этом чувствуешь, читая проороческие слова, написанные в феврале 1907 года: «После ужаса и позора, недавно пережитого, Россия кажется значительно опомнившейся и успокоившейся. Говорю – “кажется”, так как в действительности прежняя анархия царит в умах и сердцах, ещё часто и в самых грубых формах проявляясь и в жизни. Меры репрессии сковали злую волю, но не претворили и не могут претворить её в волю добрую... При таких обстоятельствах всякое ослабление репрессий не может не повести к новому проявлению всё той же анархии умов и злой воли не дисциплинированных любовью сердец».

В сборнике собраны статьи, доклады и выступления Неплюева

именно этого периода – то, что было написано им в последние годы его безвременно оборвавшейся жизни. Они помогают представить картину напряжённой деятельности по созданию всероссийской церковной организации – братства, которое могло бы объединить всех, кто стремился удержать страну на краю пропасти. Неплюев считал, что нужна и аналогичная светская организация (Партия мирного прогресса), и даже очертил её примерную программу.

Сейчас, когда очевидно, что это не осуществилось, не может не возникнуть мысль: «Да и не могло осуществиться. Всё это было утопией». Мы так привыкли ко вбитому в наши мозги позитивистскому представлению о полной детерминированности исторических событий, что забыли о действии тех сил, которые сегодня не принято брать в расчёт. Но сам Неплюев, прекрасно понимая тяжесть исторической ситуации, о них не забывал: «*Необходимо чудо Божие для спасения России и светлого преображения русских православных людей. Верим, что чудо это совершится, если остаток верных, люди доброй воли, с верой и любовью отдадут себя в руку Божию**», – говорится в одном из приложений к проекту

Всероссийского братства.

В мемуарах участников трагических событий начала века иногда возникает образ гигантских весов, способных в какие-то моменты склониться или в одну, или в другую сторону. Что было бы, если бы Неплюев не умер в 1908 году, а продолжил свою деятельность? Как сложилась бы история России, если бы не убийство Столыпина? Самый простой ответ, так часто звучащий сегодня – «Это ничего не изменило бы». Но честнее ответить – мы не знаем. И поэтому так важно понять, на какую чашу весов и с какой степенью самоотверженности мы сегодня готовы сложить свои силы и опыт, своё время, свою жизнь. **КФ**

* Курсив Н.Н. Неплюева. – Ред.

1917

МОЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

Революция 1917 года – не дата из книги, это истории наших семей, наших бабушек и дедушек. Их воспоминания, их светящиеся глаза, чай с румяными пирогами на старенькой кухне. Это то, о чём они успели нам рассказать, и то, о чём специально умолчали. Что стоит за этим молчанием? Нам по-прежнему важно осмыслить то, что произошло с нами в XX веке. Медиапроект «Стол» издал книгу воспоминаний «1917: моя жизнь после». Это книга о наших историях, о нашей памяти.

kniga1917.ru
predanie.org

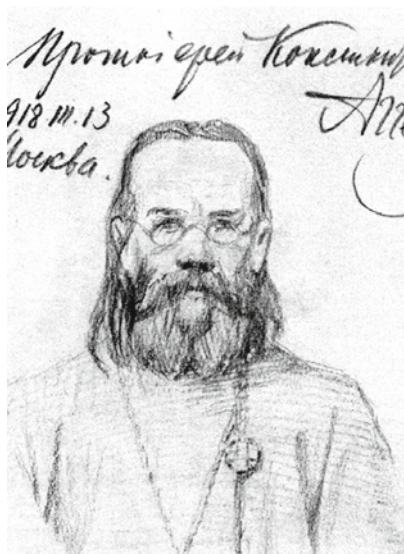
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ЦЕРКОВЬ

Тема следующего номера не может не быть связана с днём рождения Церкви – праздником Пятидесятницы (не так часто мы празднуем его в мае!) и с еkkлезиологической конференцией Свято-Филаретовского института.

Во всём, что связано с Церковью, нам важна и ортодоксия, правая вера в неё, и прежде всего ортопраксия – наша общая жизнь в этой вот уже два тысячелетия неизменной и вечно новой реальности. Ведь когда мы оглядываемся вокруг, мы так часто видим, что «не много из нас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных», что мы порой беззащитны перед искушениями. И в то же время не только в умозрении, но опытно знаем, что в этой общей жизни мы призваны стать шествием святых в Царство Небесное...

150 лет назад в крестьянской семье родился будущий протоиерей Константин Аггеев. Активный член Братства ревнителей церковного обновления, участник Поместного собора 1917–1918 гг., он стал инициатором важнейшего дела – объединения столичных учителей Закона Божьего для преподавания по-новому, без зубрёжки и схоластики. Отец Константин разработал программу, основанную на живом слове Евангелия и своей целью считал помочь ученикам узнать и полюбить живого Христа. 6 января 1921 года, в навечерие праздника Рождества Христова, в возрасте 53 лет отец Константин вместе со своим 23-летним сыном был расстрелян большевиками.